

Федеральное государственное бюджетное образовательное
учреждение высшего образования
Санкт-Петербургский государственный университет
Основная образовательная программа «Свободные искусства и науки»

Марковичева Анна Михайловна

**ЦЕНЗУРНЫЙ УСТАВ 1804 ГОДА
И ЕГО ВОСПРИЯТИЕ СОВРЕМЕННОКАМИ**

Выпускная квалификационная работа по направлению подготовки

035300/50.03.01 "Искусства и гуманитарные науки"

Профиль подготовки "История цивилизаций"

Научный руководитель: Коцюбинский Даниил Александрович,
кандидат исторических наук

Санкт-Петербург

2017

Оглавление

Введение.....	3
Глава 1. Цензурный Устав 1804 года в отечественной и зарубежной историографии.....	9
Дореволюционный период (вторая половина XIX века - 1917 г.).....	9
Советский период (1917-1991).....	14
Постсоветский период (1991 г. - по настоящее время).....	16
Иностранные исследователи об Уставе 1804 года.....	22
Глава 2. Устав 1804 года и обстоятельства его возникновения.....	28
Краткий очерк истории русской цензуры до эпохи Александра I.....	28
История создания Устава 1804 года. Его структура.....	30
"Бреши" в тексте цензурного Устава.....	33
Глава 3. Методы обхода цензуры.....	40
Положение цензора и общее восприятие писателями цензуры в 1804-1826 гг.	40
Пути обхода цензуры в переписке П. А. Вяземского и А. И. Тургенева.....	50
Заключение.....	73
Библиография.....	76
Приложения.....	84
Приложение А. Цензурный Устав 1804 года.....	84

Введение

Поймали птичку голосисту
 И ну сжимать ее рукой.
 Пищит бедняжка вместо свисту,
 А ей твердят: Пой, птичка, пой!
 (Г. Р. Державин. "На птичку")

Цензура как средство контроля над общественным мнением появилась ещё во времена Древнего Рима¹, но утвердилась (уже в средневековой Европе) вместе с усилением влияния религиозных институтов и по мере развития государств. Сперва возникшая исключительно в недрах католической церкви², впоследствии она распространялась на многие сферы жизни общества (В. Г. Чернуха связывает начало цензурной деятельности в современном понимании с серединой XV века, с появлением книгопечатания³). Во всём мире её запретительная и карательная деятельность, проводимая в течение длительного времени различными политическими режимами, не раз влекла за собой репрессивные последствия, наиболее жестокими из них были арест авторов и массовая ликвидация трудов, не соответствующих религиозным, общественным и политическим нормам, установленных государством.

В России цензура в качестве официальной государственной практики возникла в начале XVIII века⁴. Первым же документом, вобравшим в себя организацию цензурного аппарата, а также перечень правил, запретов и наказаний, стал цензурный Устав 1804 года, имевший силу в период

---

¹ Скэмвел М. Цензура: личная точка зрения: [Электронный ресурс]. URL: <http://modernproblems.org.ru/press/8-cenzore.html?showall=1> (дата обращения: 15.03.2017 г.)

² Например, таким событием можно считать начало сожжения еврейских книг католической церковью (приблизительно XIII век) (Цензура: [Электронный ресурс] // Электронная еврейская энциклопедия. URL: <http://www.eleven.co.il/article/14609> (дата обращения: 02.04.2017 г.)).

³ Чернуха В.Г. Цензура в Европе и России. / В.Г. Чернуха // Цензура в России: история и современность. - 2001. - №. 1. - С. 8.

⁴ Подробнее об истории русской цензуры в главе 2.

правления императора Александра I (1801-1825) и в следующие полгода после его смерти.

Данная выпускная квалификационная работа посвящена исследованию русской цензуры времён Александра I.

Хронологические рамки работы охватывают 1804-1826 гг., то есть период действия цензурного Устава 1804 г.

Объектом исследования является цензура печати, существовавшая при императоре Александре I, как правовой и социальный феномен.

Предмет исследования: содержание цензурного Устава и обстоятельства его появления, включая отношение к цензуре в указанный период со стороны современников в лице П. А. Вяземского и А. И. Тургенева (а также А. С. Пушкина, Н. И. Греча, А. С. Грибоедова и др.).

Источниковая база

Основные источники:

1. Цензурный Устав 1804 года – документ, впервые учредивший цензуру в России⁵.

2. Переписка князя Петра Андреевича Вяземского с Александром Ивановичем Тургеневым за 1812-1826 гг. Используется в качестве одного из основных источников в данной работе. Входит в состав "Остафьевского архива князей Вяземских", опубликованного в 1899 году.

Ценность переписки П.А. Вяземского и А.И. Тургенева как источника для настоящей работы объясняется следующими обстоятельствами.

В связи с запретительной политикой, осуществляемой государством, можно говорить о некоем антиподе цензуры - фигуре свободлюбивого и

---

⁵ Цензурный Устав будет рассмотрен в 1 и 2 главах.

честного автора. В качестве примера такой личности в данном случае выступает князь Пётр Андреевич Вяземский (1792-1878) - видный деятель Российской империи XIX века, писатель, поэт, публицист. Благодаря своему происхождению, образованию, литературной и политической активности он являлся одной из значительных личностей своего времени.

В исторической науке признана ценность переписки П. А. Вяземского и А. И. Тургенева как источника, предоставляющего богатую и разнообразную информацию, в том числе: биографические сведения о самих корреспондентах; их отзывы об общественных деятелях, ими встреченных, и о событиях, свидетелями которых они становились. Корреспонденция между П. А. Вяземским и А. И. Тургеневым является примером того, как выглядела дружеская переписка первой половины XIX века. В ней содержатся многочисленные отклики на современные им реалии, и эти реакции особенно значимы тем, что возникали практически сразу же после того или иного события, а не были выражены авторами по прошествии лет⁶. Суждения П. А. Вяземского и А. И. Тургенева о процессе издания (или его попытке) рукописи и сопровождающих его трудностях, уникальная дружеская связь между писателем и чиновником (работающим в непосредственной близости от цензоров), информация о путях обхода цензуры (прямых или косвенных) - всё это позволяет использовать данную переписку как материал для реконструкции и научного анализа того, конкретно как "работал" цензурный Устав и как на него реагировала общественность.

Дополнительные источники

Также в работе использованы письма и мемуары современников эпохи правления Александра I; например, письма А. А. Дельвига и А. С.

---

⁶ Такой вид источников, как мемуары, обладает иными отличительными чертами: события описываются человеком, воспринимающим их не так, как в самый момент их происхождения. Нельзя отрицать, что личность меняется с годами, а потому и восприятие важных моментов прошлого не остаётся неизменным. В то же время автор настоящей работы несколько не стремился умалить несомненную важность мемуаров как источника для её написания и для исторической науки в целом.

Грибоедова за соответствующий период, а также мемуары Н. И. Греча "Записки о моей жизни". Использование дополнительных видов источников обусловлено тем, что, во-первых, в них содержится информация о восприятии цензуры 1804-1826 гг. (и Устава в том числе) теми лицами, кто непосредственно был вовлечён во взаимодействие с нею - литераторами, издателями журналов. Во-вторых, эти источники позволяют более точно определить валидность мнений о цензуре, содержащихся в переписке П. А. Вяземского и А. И. Тургенева.

Все цитаты из дореволюционных источников приведены согласно сегодняшним стандартам русской орфографии с сохранением оригинальной пунктуации.

Цель работы: посредством анализа всей совокупности использованных источников определить пространство фактической подконтрольности литераторов - цензуре в рассматриваемый период, а также выявить систему преодоления авторами тех запретов, которые были прописаны в параграфах цензурного Устава 1804 года.

Задачи:

- выявить те параграфы Устава, которые давали фактическую возможность публикации сочинений в обход цензуры;
- исследовать переписку П. А. Вяземского и А. И. Тургенева за 1812-1826 гг. на предмет наличия в ней информации о путях обхода цензуры 1804-1826 гг.;
- проследить отношение к цензурной организации и цензорам со стороны их современников;
- охарактеризовать положение цензора периода первой четверти XIX века.

Методология

При работе над ВКР были использованы следующие методологические подходы.

Историко-генетический - позволил провести причинно-следственный анализ связей между описываемыми событиями, а также установить "в последовательном раскрытии свойств, функций и изменений изучаемой реальности в процессе ее исторического движения"⁷ причину, по которой у изучаемых авторов возникали те или иные особенности восприятия указанных событий. Благодаря применению данного метода дополнительно прослеживается связь между "брешами" Устава⁸ и возникновением у авторов первой четверти XIX века ряда способов по обходу цензуры.

Сравнительно-исторический - помог выявить общее и особенное в характере применения цензурного Устава сотрудниками государственного аппарата времён правления Александра I, выявить причины, повлекшие за собой последующую реорганизацию данного института.

Проблемно-хронологический - применён с целью последовательного анализа развития исторических событий и возникновения исторических фактов в их комплексной взаимосвязи.

Также в данном исследовании соблюдается классический принцип научной беспристрастности - *sine ira et studio*.

Актуальность

На протяжении всей истории государство - независимо от его конкретной политико-правовой модели - стремилось к осуществлению контроля за потоком информации, распространяющейся в обществе. Точно так же общество - стихийно либо "сознательно" (через те или иные гражданские институты) - стремилось к преодолению и обходу тех или иных

---

⁷ Ковальченко И.Д. Методы исторического исследования. М.: Наука, 2003. С. 184.

⁸ Под "брешами" подразумеваются те параграфы акта, на основе которых можно было обойти цензурные препятствия.

государственных информационных запретов. В связи с этим представляется полезным изучение опыта взаимодействия Устава 1804 года (с одной стороны) и общества в лице отдельных литераторов и чиновников (с другой) на предмет выявления наиболее значимых черт указанного социально-политического процесса. Дополнительная актуальность работы обусловлена ситуацией неоконченного становления системы информационного взаимодействия власти и общества в РФ. Так, по мнению С. А. Куликовой, "общественный договор" между государственной цензурой и обществом в России до сих пор не заключён и не оформлен окончательно⁹.

Научная новизна

Новизна работы состоит в том, что внимание автора в ней концентрируется не на рассмотрении цензуры как властного института и цензурных ограничений как таковых, а на том, как выглядели "цензурные лазейки" в законодательстве и как в данных условиях и в данный отрезок времени литераторы (в первую очередь, в лице П. А. Вяземского) стремились обойти и обходили цензуру.

---

⁹ Куликова С.А. Конституционный запрет цензуры в России: теория и практика / С.А. Куликова // Цензура в России: история и современность. - 2013. – №. 6. - С. 24.

Глава 1. Цензурный Устав 1804 года в отечественной и зарубежной историографии

За прошедшие двести лет Устав 1804 года - основополагающий цензурный документ периода правления Александра I - не раз подвергался исследовательскому анализу, в том числе на предмет его эффективности. Процесс научного осмысления Устава отечественной историографией можно условно разделить на три периода: дореволюционный, советский, постсоветский. В каждый из этих периодов восприятие цензурного Устава 1804 года обладало разными особенностями.

Дореволюционный период (вторая половина XIX века - 1917 г.)

Дореволюционный период в данной работе представлен исследованиями П. К. Щебальского, А. П. Пятковского, А. М. Скабичевского, Н. П. Колюпанова, Н. А. Энгельгардта, В. А. Розенберга и В. Е. Якушина.

Ещё в 1862 в свет вышла книга П. К. Щебальского "Исторические сведения о цензуре в России", и именно это исследование можно назвать дебютным в данной области. Автор возводил краткость Устава в одно из его достоинств, а не считал недостатком, в том числе и потому, что именно она обуславливала "снисходительный" характер документа¹⁰.

П. К. Щебальский подчёркивал разницу между цензурой, осуществляемой до и после 1811 года. Он отметил: "Цензурных дел за период времени 1804-1811 годов сохранилось вообще немного, но те, которые сохранились, почти исключительно касаются конфискации"¹¹. Этот комментарий можно понимать следующим образом: цензурное ведомство первой половины правления Александра I действительно было более "лояльным" по отношению к писателям, и для данного периода было

---

¹⁰ Щебальский П.К. Исторические сведения о цензуре в России. СПб.: Тип. Ф. Персона, 1862. С. 10.

¹¹ Там же. С. 14.

характерно преобладание цензуры карательной над предварительной, хотя последняя и была введена в 1804 году. Также П. К. Щербальский говорил о "неудобствах", возникавших вследствие того, что цензура духовных и иностранных книг не была подведомственна Главному правлению училищ (которое осуществляло цензуру "общую"), и о неспособности комитета иностранной цензуры справляться с объёмом поступающих книг ввиду малочисленности служебного состава¹².

В 1876 году появился следующий значительный труд А. П. Пятковского, касающийся прошлого в том числе русской цензуры: "Из истории нашего литературного и общественного развития". В этой книге автор рассуждал о "просветительских" намерениях молодого императора, вылившихся в том числе и в попытку организации "свободного книгопечатания", к которому призывал Устав 1804 года; однако процессы во внешней и внутренней политике Российской империи зачастую приводили к тому, что зарождающаяся свобода слова подавлялась. При этом А. П. Пятковский подчёркивал, что даже одно желание некоторых людей организовать свободу печати "далеко обгоняло развитие русского общества"¹³.

В биографии А. И. Кошелева Н. П. Коллюпанов, рассказывая о русской журналистике первой четверти XIX века, отдельное место уделил проблеме взаимоотношения авторов и цензуры. Как и предшествующие авторы, исследователь отметил либеральный характер Устава, подчеркнул правительственный контроль за тем, что допускалось в печать, а также отнёс начало основного противостояния между цензурой и сочинителями к 1812 году¹⁴.

---

¹² Щербальский П.К. Исторические сведения о цензуре в России. СПб.: 1862. С. 16.

¹³ Пятковский А.П. Из истории нашего литературного и общественного развития. СПб.: тип. и хромолит. А. Траншель, 1888. С 71.

¹⁴ Коллюпанов Н.П. Биография Александра Ивановича Кошелева. Т. 1: Молодые годы Александра Ивановича. М.: О.Ф. Кошелевой, 1889. С. 494.

А. М. Скабичевский продолжил внимательно анализировать Устав 1804 года в труде "Очерки по истории русской цензуры" (1892). Подробно приведя основное содержание документа, автор вынес следующий вердикт: "Устав этот... до сих пор считается самым либеральным из всех, последовавших за ним"¹⁵. А. М. Скабичевский отметил изначальную мягкость по отношению к автору со стороны цензора, существовавшую до тех пор, пока "либеральные порывы не успели ещё заглухнуть в правительственных сферах"¹⁶. Далее А. М. Скабичевский рассуждал о проблемах, возникших уже после того, как Устав вступил в силу. В частности, обозначил следующую: цензоры руководствовались не "благородным снисхождением"¹⁷, как предписывал им Устав, а мнением вышестоящих лиц; особенно это выражалось в неприятии таких тем, как мистицизм и масонство, и, чаще всего, крестьянского вопроса. Подобные действия наблюдались и в области, касающейся фигуры Наполеона Бонапарта. Но, в зависимости от политической ситуации в стране, тексты о нём то запрещались, то приветствовались. Были и другие противоречия, заключающиеся в несогласии между цензором и цензурным комитетом в выносимых вердиктах. Описывая конкретные ситуации запрещения и разрешения книг, А. М. Скабичевский привёл два контрастных случая.

В 1807 году некий цензор посчитал книгу "De la souverainete ou con-
naissances..."¹⁸ безнравственной и передал её в цензурный комитет (Устав предписывал в параграфе 13 так поступать в случае сомнения цензора в благонадёжности сочинения). Однако комитет принял иное решение и "не признал её вредною"¹⁹. Здесь присутствовало несогласие цензурного комитета с цензором.

---

¹⁵ Скабичевский А.М. Очерки истории русской цензуры: (1700-1863 г.). СПб.: Ф. Павленков, 1892. С. 97.

¹⁶ Там же. С. 97.

¹⁷ Параграф 21.

¹⁸ "О суверенитете, или о знании истинных принципов народовластия" (1806) - книга Антуана Сабатье.

¹⁹ Скабичевский А.М. Очерки истории русской цензуры: (1700-1863 г.). СПб.: Ф. Павленков, 1892. С. 109.

При этом ситуация, когда цензор, в соответствии с параграфом 21 ("руководствуется благоразумным снисхождением"), проявлял снисхождение, которое не встречало одобрения "сверху", была чревата для цензора возможностью существенного наказания. Так произошло, например, в 1820 году. Цензор Н. Е. Черепанов посчитал перевод немецкой статьи "Взгляд на успехи земледелия и благосостояние в Российском государстве" соответствующим требованиям Устава. Но Главное правление училищ не сочло правильным опубликовывать статью, затрагивающую крестьянский вопрос, и отстранило Н. Е. Черепанова от должности цензора²⁰.

А. М. Скабичевский подытожил так: "Она [цензура] вертелась как белка в колесе, получая постоянно нахлобучки сверху, то за излишнюю снисходительность, то, наоборот, за неуместную строгость"²¹. И отметил, что разногласия между "теорией и практикой"²² цензурной организации привели к официальной передаче части цензурного ведения в Министерство полиции, образованное в 1811 году.

Выводы анализа, сделанного А. М. Скабичевским, впоследствии дополнялись последующими поколениями исследователей, однако данный труд остаётся одним из центральных в историографии цензуры в России.

В 1903 году вышла книга Н. А. Энгельгардта под названием "Очерк истории русской цензуры в связи с развитием печати". Здесь автор, в отличие от предыдущих исследователей, комментирующих Устав и цензуру, действовавшие в правление Александра I, уделил немного меньше внимания данному периоду. Тем не менее, Н. А. Энгельгардт в кратких словах дал характеристику Устава, именуя его в превосходной степени - "либеральнейшим"²³. Однако цензура в восприятии данного исследователя

---

²⁰ Скабичевский А.М. Очерки истории русской цензуры: (1700-1863 г.). СПб.: Ф. Павленков, 1892.. С. 105-106.

²¹ Там же. С. 115.

²² Там же. С. 116.

²³ Энгельгардт Н.А. Очерк истории русской цензуры в связи с развитием печати (1703-1903). СПб.: А.С. Суворин, 1904. С. 8.

получила не менее выразительную, притом альтернативную коннотацию: она "по своей строгости превосходила даже папскую"²⁴ - одну из самых консервативных и придирчивых во все времена. И это несмотря на "идиллический"²⁵, по словам Н. А. Энгельгардта, характер документа, её регламентирующего. Однако вину за цензурный "произвол" Н. А. Энгельгардт, в первую очередь, возлагал не на императора, а на общество, которое, по мнению автора, обладало преимущественно такими чертами, как "невежество" и "малограмотность", что приводило к популяризации так называемого "лёгкого чтения" и к полному равнодушию "к судьбам печати, литературы и писателей"²⁶. По мнению исследователя, общество в то время не нуждалось в фигуре писателя. Она не была уважаема и, следовательно, не была защищена, что приводило к множеству "доносов и анонимных писем"²⁷, направляемых в цензурное ведомство. Так дополнительно стимулировалась строгость цензуры.

Наконец, совместный сборник статей В. А. Розенберга и В. Е. Якушина "Русская печать и цензура в прошлом и настоящем" 1905 года привнёс несколько иной взгляд на восприятие Устава 1804 года дореволюционными историками. Во-первых, данный документ не назывался в указанной книге самым либеральным из всех действовавших актов цензуры: по мнению авторов, именно цензура шестидесятых годов XIX века организовывала более "благоприятные условия"²⁸ для литературы. Во-вторых, вину за последующую "придирчивость"²⁹ цензора авторы возлагали именно на слабую организацию Устава, не включавшую в себя достаточного количества рекомендаций для работы цензора³⁰.

---

²⁴ Энгельгардт Н.А. Очерк истории русской цензуры в связи с развитием печати (1703-1903). СПб.: А.С. Суворин, 1904. С. 8.

²⁵ Там же. С. 66.

²⁶ Там же. С. 12.

²⁷ Там же.

²⁸ Розенберг В.А., Якушин В.Е. Русская печать и цензура в прошлом и настоящем. М.: М. и С. Сабашниковы, 1905. С. 21.

²⁹ Там же. С. 27.

³⁰ Розенберг В.А., Якушин В.Е. Русская печать и цензура в прошлом и настоящем. М.: М. и С. Сабашниковы,

Подводя итог, можно сказать, что все представленные в данной работе исследователи дореволюционного периода сходились практически во всём, что касается характеристики Устава (то есть считали, что он был либеральным - как минимум, на протяжении достаточно длительного временного промежутка) и причин строгости цензуры 1804-1826 гг. (видели их не в содержании Устава как такового, а в том, что власть влияла на действия цензурного аппарата). В то же время исследователями справедливо было подчёркнуто отсутствие чётких правил, регламентирующих критерии проверки подцензурной печати. Отмечалась отсталость в литературном развитии общества первой четверти XIX века, которая сопровождалась некоторой неопытностью в создании массовых периодических изданий (недолговечность существования русских журналов первой четверти XIX века объяснялась не только запретительными действиями цензуры). Отдельное от основного цензурного аппарата цензурирование иностранных и религиозных книг оценивалось исследователями отрицательно. Также в трудах часто присутствовало деление александровской цензуры на два противоположных друг другу периода (до 1811 года и после 1812 года).

Дополнительного комментария заслуживает тот факт, что приведённые здесь труды были изданы не ранее 1860-х гг. К 60-м гг. XIX века относится введение, взамен Устава 1828 года, "Временных правил о цензуре и печати", в связи с чем интерес к этой теме оказался выражен более заметно. Кроме того, за несколько десятков лет организованной деятельности цензурного аппарата не могло не накопиться достаточно материала для его анализа.

Советский период (1917-1991)

В период советской власти цензура вышла на принципиально новый, тотальный уровень. В то же время исследование цензуры прошлых эпох

продолжило оставаться в поле зрения российских историков, несмотря на сравнительно небольшое количество работ по данной тематике.

Сложившаяся на протяжении XIX века традиция написания очерков истории журналистики нашла отражение в виде двухтомных "Очерков по истории журналистики и критики" (изданы в 1950 и 1965 гг.). Этим эта преемственность не исчерпывалась: Устав 1804 года в этой работе продолжал именоваться "либеральным"³¹, а в проведении запретительной практики обвинялись те, кто желал угодить вышестоящим властям ("бюрократия"³²); последующий Устав 1826 года признавался худшим, по сравнению с предыдущим³³.

С другой стороны, именно в исследованиях советского периода впервые встречается совершенно новое понимание цензурного Устава 1804 года, отрицающее его либеральные стороны. Например, издание "История русской журналистики XVIII-XIX веков", выпущенное под редакцией А. В. Западова в 1973 году, относило данный документ к ряду реакционных актов правительства, осуществлённых с целью прекращения следования "либеральному курсу"³⁴, соответствовавшего настроениям первых годов правления Александра I. В тексте говорилось о том, что, несмотря на прописанные в Уставе "расширенные права писателей и журналистов", пресекались любые попытки появления в печати плодов авторского "вольномыслия", то есть Устав препятствовал свободе слова и выражению собственного мнения. Тем не менее, в данной работе признавалось присутствие роста в области общественно-политической мысли данного периода, несмотря на "крепостнический" характер Устава.

---

³¹ Очерки по истории русской журналистики и критики : В 2 т. Т. 1. Л.: Изд-во Ленингр. гос. ун-та им. А. А. Жданова, 1950. С. 155.

³² Там же.

³³ Там же. С 239.

³⁴ История русской журналистики XVIII-XIX веков : [Учебник для гос. ун-тов и полигр. ин-тов] / Под ред. проф. А.В. Западова. М.: Высш. школа, 1973. Режим доступа: <http://evartist.narod.ru/text3/01.htm> (дата обращения: 28.01.2017 г.)

В то же время нельзя сказать, что в советский период к вопросу об истории цензуры обращались исключительно те, кто создавал пособия по истории русской журналистики. Например, в книге писателя В. Красногорова³⁵ "У мысли стоя на часах" (1978), посвящённой собственно теме истории дореволюционной цензуры, отмечалось: "С той поры русские литераторы усвоили, что дело не в уставе, а «в видах» правительства"³⁶. Это высказывание предлагало следующий ракурс взгляда на тему цензуры времён Александра I: главная проблема заключалась не в несовершенствах Устава, не в предвзятости цензора, а именно в периодически менявшихся предпочтениях высших представителей власти, что не могло не влиять на характер материалов, допускаемых к печати; и уже именно от этих лиц зависел цензор.

В целом, в советский период не наблюдалось значительного интереса к исследованию истории русской цензуры периода правления Александра I³⁷. Что касается цензурного Устава 1804 года, то в его понимании в научной мысли произошло значительное изменение: он стал рассматриваться не только как либеральный, но и как реакционный по характеру акт. Рассмотрение его как документа, созданного в стремлении ужесточить контроль над общественной мыслью, является исключительной особенностью некоторых работ советского периода.

Постсоветский период (1991 г. - по настоящее время)

Новый виток в исследовании истории цензуры пришёлся уже на этап, последовавший за распадом Советского Союза. Главным событием этого

---

³⁵ Псевдоним В.С. Файнберга.

³⁶ Красногоров В. У мысли стоя на часах: [Электронный ресурс]. URL: http://lit.lib.ru/k/krasnogorow_w_s/tsenzuradoc.shtml (дата обращения: 15.05.2016 г.).

³⁷ Например, у Н. П. Ерошкина, автора "Истории государственных учреждений дореволюционной России" (1983) рассмотрение деятельности цензурного аппарата начинается только с 1826 года. (Ерошкин Н.П. История государственных учреждений дореволюционной России. М.: Высш. шк., 1983. С. 167.) Тот же самый момент наблюдается в книге "Правительственный аппарат самодержавной России в XIX в." (1978) под авторством П. А. Зайончковского (Зайончковский П.А. Правительственный аппарат самодержавной России в XIX в. М.: Мысль, 1978. С. 108-109.).

периода (в рамках исследуемой проблемы) стало принятие Конституции РФ 12 декабря 1993 года, пункт 5 статьи 29 которой запретил цензуру и установил "гарантии свободы массовой информации".

Интерес к истории цензуры в данный отрезок времени не ослабевал. Одним из наиболее значительных вкладов в исследование проблемы цензуры в прошлом и настоящем является выходящий с 2001 года раз в несколько лет сборник "Цензура в России: история и современность", где присутствуют статьи, посвящённые в том числе эпохе Александра I. Продолжается практика рассмотрения истории цензуры в пособиях для студентов высших учебных заведений. Таких пособий можно указать несколько.

Курс лекций "Цензура в дореволюционной, советской и постсоветской России" П. С. Рейфмана продолжил некоторые из идей, сформулированных как дореволюционными (в частности, А. М. Скабичевским), так и современными исследователями. В книге выражается согласие с мыслями предыдущих авторов: о подчинённом положении цензора ("Они... были все же чиновниками, зависевшими от высшей администрации"^{38.}) и несоответствии исходных либеральных надежд последующим событиям.

Автор пособия "История цензуры в России XIX- XX вв." Г. В. Жирков подчеркнул действенность Устава 1804 года: "Любопытно, что многие такого рода документы тех лет остались проектами, тогда как этот устав некоторое время действовал в том виде, как был принят"^{39.} Автор обратил внимание на то, что как историки, так и современники отзывались об Уставе преимущественно положительно. В добавление, Г. В. Жирков предположил,

---

³⁸ Рейфман П.С. Цензура в дореволюционной, советской и постсоветской России: [Электронный ресурс]. URL: <http://reifman.ru/book/reifman1.pdf> (дата обращения: 15.05.2016 г.).

³⁹ Жирков Г.В. История цензуры в России XIX-XX вв.: Учеб. пособие для студентов вузов: [Электронный ресурс]. URL: <http://evartist.narod.ru/text9/35.htm> (дата обращения: 15.05.2016 г.).

что именно к "идеям" Устава 1804 года обращались последующие цензурные деятели⁴⁰.

Новые оценки Устава содержатся в работах А. В. Блюма. Так, в книге "От неолита до Главлита" (2009) он сделал акцент на противоречии между уже упомянутым параграфом 21 ("Когда место, подверженное сомнению, имеет двоякий смысл; в таком случае лучше истолковать оное выгоднейшим для сочинителя образом, нежели его преследовать") и реальной ситуацией, когда цензор ввиду своего образования чаще сосредотачивался именно на поиске того смысла, что "истолковывался" не пользу автора. Цензор нередко преуспевал в этом начинании⁴¹.

Многократно отмечаемая либеральность Устава не могла не повлечь за собой в работах историков акцента на его противоречиях с практикой применения. Л. А. Мутовкин в работе "История цензуры в России" с помощью своеобразной метафоры резюмировал: "Либеральный устав о цензуре постепенно покрылся чужеродными наростами аракчеевщины и, подрубленный с разных сторон, должен был рухнуть"⁴², тем самым заявляя о нежизнеспособности либерального закона в современных ему российских реалиях.

В перечень недостатков цензуры, существовавшей в первой четверти XIX века, свои "пункты" внесла Т. Л. Полусмак. В диссертации "Цензурное законодательство дореволюционной России" (2003) она дополнительно исследовала ещё один (отмеченный ранее) недостаток Устава: таковым являлось отдельное цензурирование церковной, учёной и иностранной литературы. По мнению автора, такая обособленность не могла "не оказать

---

⁴⁰ Жирков Г.В. История цензуры в России XIX-XX вв.: Учеб. пособие для студентов вузов: [Электронный ресурс]. URL: <http://evartist.narod.ru/text9/35.htm> (дата обращения: 15.05.2016 г.).

⁴¹ Блюм А.В. От неолита до Главлита: достопамятные и занимательные эпизоды, события и анекдоты из истории российской цензуры от Петра Великого до наших дней: собраны по литературным и архивным источникам: [Электронный ресурс]. URL: http://royallib.com/get/fb2/blyum_arlen/ot_neolita_do_glavlita.zip (дата обращения: 15.05.2016 г.).

⁴² Мутовкин Л.А. История цензуры в России: [Электронный ресурс]. URL: http://www.promgups.com/blog/wp-content/uploads/2007/02/1_9.pdf (дата обращения: 15.05.2016 г.).

отрицательного влияния на общую цензуру, которую периодически лихорадило от противоречий между цензорами"⁴³.

В работах Л. Ю. Гусмана, исследовательский интерес которого заключён преимущественно в рассмотрении русской цензуры второй половины XIX века, содержатся важные комментарии относительно предшествующего периода. В частности, в монографии "Страницы истории русского либерализма" (2010) подтверждается наличие уже упомянутого исследователями "цензурного рубежа", разделявшего время действия Устава на два периода. Так, говоря о 1812 годе и книге Г. Мабли "Об изучении истории", Л. Ю. Гусман отмечает: несмотря на то, что "цензура и изъяла негативные упоминания о Петре Великом", всё-таки главный итог заключался в том, что "крамольный текст был переведён и опубликован"⁴⁴. Кроме того, комментарий автора о санкт-петербургском комитете иностранной цензуры⁴⁵ подтверждает, что неспособность данного отдела справиться с "контрабандой"⁴⁶, проявлявшаяся ещё в первую половину XIX века, не исчезла по прошествии десятков лет (причём проблемы с цензурованием или запретом иностранной литературы относились ещё к веку восемнадцатому). Наконец, отдельного внимания заслуживает приведённое Л. Ю. Гусманом свидетельство 1870-х гг. педагога В. Я. Стоюнина, касающееся причин стремления читателей к запрещённой литературе и актуальное, как представляется, для любой эпохи, в которую действует цензура: "К запрещенным книгам влекло нас естественное стремление ума расширить круг сведений и фактов. Тут не было никаких злых умыслов, никаких преступных наклонностей. Приученные к тайнам, окружавшим нас, и к явной лжи, выдаваемой за правду, мы были уверены, что потому иные

---

⁴³ Полусмак Т.Л. Цензурное законодательство дореволюционной России: автореф. дис. на соискание учёной степени кандидата юридических наук: 12.00.01: [Электронный ресурс]. Нижний Новгород, 2003. URL: <https://vivaldi.nlr.ru/bd000053739/view> (дата обращения: 15.05.2016 г.).

⁴⁴ Страницы истории русского либерализма: монография / Л Ю Гусман. - СПб.: ГУАП, 2010. С. 12.

⁴⁵ Там же. С. 115

⁴⁶ Там же.

книги и запрещены, что в них раскрывалась тайна"⁴⁷. Иными словами, людьми, стремившимися обойти то или иное препятствие, управляло не желание совершить преступление против действующей власти (как акт неповиновения или измены), а именно то самое стремление, которое инициировало создание "либерального" Устава 1804 года, - стремление к просвещению.

Наконец, отдельно стоит рассмотреть статьи, расположенные в сборнике "Цензура в России: история и современность", уже упомянутого выше. Нужно подчеркнуть, что эти статьи в большинстве своём не представляют собой полноценного описания рассматриваемой эпохи (как очерки XIX века и капитальные труды XX и XXI веков), а чаще сосредотачиваются на каком-либо отдельном аспекте (например, на проблемах, с которыми сталкивался цензор⁴⁸, или же на вопросе о месте иностранных книг в российском обществе⁴⁹). Тем не менее, они также рассматривают Устав 1804 года как основополагающий акт.

Среди авторов постсоветской эпохи нет ни одного, который говорил бы, подобно А. В. Западovu, о "крепостническом" характере Устава. Напротив, авторы придерживаются того же самого мнения, что и абсолютное большинство их предшественников, а именно: документ обладал либеральной направленностью, особенно в сравнении с последующим Уставом 1826 г.: "Сменивший его [Устав 1804 года] 10 июня 1826 года более консервативный ... устав..."⁵⁰.

В. Г. Чернуха в статье, посвящённой общей истории и характеристике европейской и русской цензуры, затрагивая период правления Александра I,

---

⁴⁷ Страницы истории русского либерализма: монография / Л Ю Гусман. - СПб.: ГУАП, 2010. С. 25.

⁴⁸ Гринченко Н.А. Цензурное ведомство и его чиновники (1804-1863) / Н.А. Гринченко // Цензура в России: история и современность. - 2013. - № 6. - С. 192-227.

⁴⁹ Кулакова Е.А. "Что нужно Лондону, то рано для Москвы": иностранные книги в российском обществе второй четверти XIX века / Е.А. Кулакова // Цензура в России: история и современность. - 2013. - № 6. - С. 179-191.

⁵⁰ Корнева Н.М. Постановления о преступлениях и проступках по делам печати в своде законов Российской Империи / Н.М. Корнева // Цензура в России: история и современность. - 2013. - № 6. - С. 126.

резюмировала организацию цензурного аппарата, основываясь на предыдущих исследованиях. В её работе присутствуют уже указанные ранее особенности: Устав 1804 года являлся "самым либеральным уставом ... XIX века", но он не способен был быть действенным в силу "общности" прописанных в нём правил, дополнительных последующими указами и сменами настроений правительства, от которых цензор был фатально зависим⁵¹.

Н. А. Гринченко, в отличие от предыдущего автора, свои статьи посвятила более конкретному периоду, в который входит и первая четверть XIX века. Н. А. Гринченко не затрагивала проблему самого Устава 1804 года, но по авторскому обзору развития цензуры иностранной литературы и её реформирования в 1826-1828 гг.⁵² можно сделать косвенный вывод о том, что автор также относит организацию иностранной цензуры 1804-1826 гг. к минусам Устава. В другой своей работе⁵³ Н. А. Гринченко рассматривает книжную торговлю иностранными книгами. В результате приведённого в статье анализа дополнительно подтверждается мнение автора об "отсутствии отлаженности в надзоре за иностранной книжной торговлей"⁵⁴, то есть о проблемах в работе комитета иностранной цензуры, а следовательно, и о существующих недостатках в самом Уставе⁵⁵.

Отдельная характеристика документа содержится в статье Д. И. Раскина. Автор, рассматривая вопрос об авторском праве в контексте цензурного законодательства России, отмечает, что "краткий" Устав 1804 года

---

⁵¹ Чернуха В.Г. Цензура в Европе и России. / В.Г. Чернуха // Цензура в России: история и современность. - 2001-. - Вып. 1. - С. 10-11.

⁵² Гринченко Н.А. История цензурных учреждений в России в первой половине XIX века / Н.А. Гринченко // Цензура в России: история и современность. - 2001. - № 2. - С. 17.

⁵³ Имеется в виду статья "Надзор за книжной торговлей в конце XVIII - первой половине XIX века". (Гринченко Н.А. Надзор за книжной торговлей в конце XVIII - первой половине XIX века / Н.А. Гринченко // Цензура в России: история и современность. - 2011. - № 5. - С. 83-101)

⁵⁴ Там же. С. 87.

⁵⁵ Для данной ВКР большое значение имеет ещё одна статья Н. А. Гринченко – "Цензурное ведомство и его чиновники (1804-1863)", однако она рассмотрена уже в той части работы, что непосредственно посвящена цензору первой четверти XIX века и отношению к нему писателей.

никак не затрагивал проблему авторского права⁵⁶. Целью же данного акта Д. И. Раскин видит, в первую очередь, в "установлении единого порядка цензуры на всём пространстве империи"⁵⁷, имея в виду, вероятно, преобладание установки на создание режима тотальной цензуры для всей России в ущерб тщательной и детализированной организации цензурного дела.

Подводя итог, можно сказать, что и по сей день проблемы и история русской цензуры находятся в орбите внимания исследователей. Несмотря на то, что, по сравнению с XIX веком, более популярным стало рассмотрение данных тем не с глобальной или общей точки зрения, а на примере какого-либо отдельного аспекта, - трактовка Устава и практики его применения (а именно: возложение вины за чрезмерную строгость цензуры на исполнителей, а не на изначальные намерения создателей Устава) остаётся преимущественно неизменной и продолжает традицию дореволюционных авторов.

Тем не менее, несмотря на охват большого количества тем, связанных с цензурой при Александре I, отечественные исследователи не столь часто обращались к проблеме обхода её со стороны отдельного писателя, существовавшего в рамках системы её запретов. В связи с этим исследование фигуры П. А. Вяземского с точки зрения его взаимодействия с александровской цензурой, по-прежнему обладает достаточной научной новизной.

Иностранные исследователи об Уставе 1804 года

Русская цензура не является объектом исследования исключительно российских учёных (или исследователей из тех стран, что были определённое

---

⁵⁶ Раскин Д.И. Авторское право в контексте цензурного законодательства России XIX - начала XX века / Д.И. Раскин // Цензура в России: история и современность. - 2006. - № 3. - С. 99.

⁵⁷ Там же.

время включены в состав Российской империи или Советского Союза). Правда, зарубежные авторы начали заниматься вопросами цензуры в России периода правления Александра I не одновременно с отечественными исследователями, а приблизительно на век позже. Также естественно, что количество учёных, писавших свои работы по истории русской цензуры на английском языке, ощутимо меньше, чем отечественных, а тех, кто рассматривал период первой четверти XIX века, а не советскую цензуру или цензуру второй половины XIX века, достаточно мало. Можно выделить всего двух американских исследователей, затронувших в своих изданиях период правления Александра I: Ч. Рада и И. П. Фута.

Чарльз Рад (Charles A. Ruud), издал в 1982 году один из самых масштабных трудов по обзору истории русской цензуры на английском языке: "Fighting Words: Imperial Censorship and the Russian Press, 1804-1906". Три главы данной работы посвящены времени действия Устава 1804 г.

Начиная рассматривать эпоху правления Александра I, автор заметил: "Устав 1804 года оказался наиболее либеральным актом имперского периода"⁵⁸. Далее он раскрыл данное утверждение следующим образом. Ч. Рад мыслил Александра I в качестве "просвещенного монарха XVIII века"⁵⁹, потому считал, что именно благодаря этой своей особенности император (как и его ближайшие советники в начале правления) действительно стремился использовать цензуру как средство для "распространения знания"⁶⁰. Именно толерантность становилась лейтмотивом Устава и первое время даже была выражена на практике его применения⁶¹. Однако 1815-1816 гг., по мнению Ч. Рада, стали тем самым рубежом, когда цензура отходит от своей "доброжелательной" направленности. Он связывал это с занятием обер-прокурором Синода, князем А. Н. Голицыным, поста министра просвещения

---

⁵⁸ "The 1804 statute proved the most liberal press law of the imperial period". (Ruud C.A. Fighting Words: Imperial Censorship and the Russian Press, 1804-1906. University of Toronto Press, 2009. P. 26.)

⁵⁹ "...eighteenth-century enlightened despot". (Там же. P. 37)

⁶⁰ "to advance knowledge" (Там же. P. 27.)

⁶¹ Там же. P. 27.

и духовных дел (которое включало в себя ведение цензуры), а также с продвижением "радикальных религиозных идей с Запада"⁶². Эти идеи автор противопоставил просветительским настроениям советников Александра первой половины его правления. Также тот факт, что за князем А. Н. Голицыным фактически продолжало сохраняться руководство Святейшим Синодом, не мог встретить одобрения у церковных деятелей. В результате между ними сформировался и развивался конфликт, выражавшийся, в том числе, и в желании каждой из сторон оказывать влияние на цензуру религиозных книг. Именно этот конфликт исследователь посчитал одним из важнейших поводов для создания нового документа, регулирующего цензуру.

Книга Ч. Рада получила несколько рецензий, опубликованных в видных изданиях зарубежья. Среди данных обзоров (авторами которых являлись следующие зарубежные эксперты в области истории русской цензуры: Брюс Линкольн⁶³, Аллен Синел⁶⁴, Абботт Глисон⁶⁵, Мартин Катц⁶⁶ и Марианна Тэкс Чолдин⁶⁷) подчёркивалась уникальность (как минимум, на момент издания "Fighting Words...") работы, её несомненная важность для тех, кто интересуется историей России XIX века и, в особенности, её журналистикой того периода.

К авторам, внёсшим значительные дополнения к зарубежному взгляду на рассматриваемую проблему, можно отнести, как уже упоминалось, Ирвина Пауля Фута (Irvin Paul Foote).

---

⁶² "...radical religious ideas from the West" (Ruud C.A. *Fighting Words: Imperial Censorship and the Russian Press, 1804-1906*. University of Toronto Press, 2009. P. 38.)

⁶³ Lincoln W. B. [Review] / W. B. Lincoln // *The American Historical Review*, Vol. 88, No. 5 (Dec., 1983), p. 1298. - Reviewed Work: *Fighting Words: Imperial Censorship and the Russian Press, 1804-1906* by Charles Ruud.

⁶⁴ Sinel A. [Review] / A. Sinel // *Victorian Periodicals Review*, Vol. 15, No. 4 (Winter, 1982), pp. 154-156. - Reviewed Work: *Fighting Words: Imperial Censorship and the Russian Press, 1804-1906* by Charles Ruud.

⁶⁵ Gleason A. [Review] / A. Gleason // *The Russian Review*, Vol. 42, No. 2 (Apr., 1983), pp. 229-230. - Reviewed Work: *Fighting Words: Imperial Censorship and the Russian Press, 1804-1906* by Charles Ruud.

⁶⁶ Katz M. [Review] / M. Katz // *Canadian Slavonic Papers / Revue Canadienne des Slavistes*, Vol. 25, No. 4 (December 1983), pp. 572-573. - Reviewed Work: *Fighting Words: Imperial Censorship and the Russian Press, 1804-1906* by Charles Ruud.

⁶⁷ Choldin M. T. [Review] / M. T. Choldin // *Slavic Review*, Vol. 42, No. 3 (Autumn, 1983), p. 480. - Reviewed Work: *Fighting Words: Imperial Censorship and the Russian Press, 1804-1906* by Charles Ruud.

Отдельную заметку, посвящённую Уставу, И. П. Фут выпустил в 1980 г.⁶⁸ Другая его работа - "Counter-Censorship: Authors v. Censors in Nineteenth-Century Russia"⁶⁹, изданная в русском переводе под названием "Контрцензура: авторы против цензоров в России XIX века"⁷⁰, - содержала косвенный вывод о степени эффективности Устава 1804 года (и других цензурных актов): если "авторы имели достаточный успех в своей деятельности, направленной на борьбу с цензурой"⁷¹, то получалось, что этот и другие документы не были идеальны в условиях запрета "неугодных" власти произведений.

Ещё одной статьёй И. П. Фу́та была "«In the Belly of the Whale»: Russian Authors and Censorship in the Nineteenth Century"⁷². Она рассматривала восприятие русскими писателями XIX века цензора и цензурного аппарата на примере терминов, употреблявшихся сочинителями по отношению к институту, согласно их мнению, их угнетавшему. Данная работа иллюстрировала негативный аспект восприятия деятельности цензоров писателями (это рассматривается в третьей главе настоящей ВКР.)

Можно сказать, что общая оценка иностранными исследователями цензурного Устава 1804 года не является оригинальной – они также относят его к либеральным документам или к документам, в реальности не соблюдавшимся. К видным отличиям относится определение переломного момента в проведении цензурной политики. Ч. Рад выдвинул версию, что таким рубежом в истории александровской цензуры стал 1815 год (а не 1811-1812 гг.). Выделение фигуры А. Н. Голицына также можно считать несколько отличительным ракурсом рассмотрения проблемы русской цензуры первой четверти XIX века.

---

⁶⁸ The Censorship Statute of 1804 // Study Group on Eighteenth Century Russia Newsletter. [Norwich], 1980. № 8. P. 7—9.

⁶⁹ Данная работа исследует методы авторов по преодолению цензурных препятствий на протяжении XIX века: именно в этом контексте она используется во второй главе ВКР.

⁷⁰ Фут И.П. Контрцензура: Авторы против цензоров в России XIX в. / И.П. Фут // Книжное дело в России в XIX – начале XX века. - 2004. - № 12. - С. 120 - 168.

⁷¹ Там же. С. 156.

⁷² Foote I.P. «In the Belly of the Whale»: Russian Authors and Censorship in the Nineteenth Century // The Slavonic and East European Review. London, 1990. Vol. 68. P. 294—298.

Стоит отметить, что в то время как Ч. Рад использовал способ изложения, схожий с представленным и в русских "очерках", и в российских "историях", И. П. Фут в двух своих работах сделал акцент на взаимоотношениях между цензором и автором, а также на *восприятии* сочинителем цензуры, которое выражалось не только в том, как писатель вообще относился к фигуре цензора и к цензурному аппарату, но и в том, какими путями пользовались авторы для того чтобы обойти цензуру

***

Подытоживая, следует отметить, что как отечественные, так и зарубежные историки, давая оценку александровской цензуре, выделяли следующее ее основные недостатки:

- зависимость цензора от вышестоящих лиц и изменений во внутренней политике, что приводило к его предвзятости;
- несоответствие либеральной направленности Устава его запретительному применению;
- раздельное цензурирование различных видов книг.

Разные исследователи сходятся в главном: Устав 1804 года обладал весьма "мягким" характером в теории, который не смог полностью воплощаться на практике. Вероятно, всё же следует задать вопрос: почему данный документ часто именуют "либеральным", хотя речь в нем идет об ограничении базовой свободы человека – свободы выражения мысли. В данном случае, как представляется, играет роль исторический контекст. Не стоит забывать, что предыдущее правление Павла I и следующая после 1825 года эпоха Николая I отличались принятием весьма жёстких, по сравнению с Уставом 1804 года, цензурных актов. Закон же 1804 года на словах всё-таки был довольно "снисходителен" по отношению к фигуре автора. Конечно, нельзя быть уверенным, что вина нереализованной на практике "либеральности" Устава целиком и полностью лежит на недостатках

содержания Устава или на условной неспособности русского общества к выполнению "слишком мягких законов". Скорее, проблемы коренятся в самой природе предварительной цензуры как института. Суть этих проблем, в конце концов, сводится к неизбежному субъективизму цензоров при решении вопроса о границах допустимого. По факту каждый цензор мог по-своему трактовать параграфы 16,18 и 19, регламентирующие положения о запрете рукописей к изданию. Ясно, что стремление правительства создать документ, который бы одновременно поощрял просветительскую деятельность (граф П. В. Завадовский, министр народного просвещения, в докладе от 1804 года утверждал: "Сими постановлениями нимало не стесняется свобода мыслить и писать, но токмо взяты пристойные меры против злоупотребления оной"⁷³), но в то же время запрещал писать что-либо негативное по отношению к действующей власти⁷⁴, оказывалось утопичным вследствие несовместимости двух указанных стремлений.

---

⁷³ Скабичевский А.М. Очерки истории русской цензуры: (1700-1863 г.). СПб.: Ф. Павленков, 1892. С. 97.

⁷⁴ "Что-либо" здесь вовсе не обязательно обозначает призыв к свержению императора, а может просто включать в это понятие несогласие с единичным и маломасштабным действием государства.

Глава 2. Устав 1804 года и обстоятельства его возникновения

Краткий очерк истории русской цензуры до эпохи Александра I

А. В. Блюм в одной из своих книг сделал отсылку к главному герою романа В. В. Набокова "Дар", где персонаж отметил следующий парадокс: "В России цензурное ведомство возникло раньше литературы; всегда чувствовалось его роковое старшинство: так и подмывало по нему щёлкнуть"⁷⁵. Это предположение А. В. Блюм подтвердил, сравнивая даты появления первого (по его мнению) литературного памятника Руси - "Слова о полку Игореве" (конец XII века)⁷⁶ - и списка запрещённых книг: "Богословьцы от словес", созданного на сто лет раньше⁷⁷.

Цензурный Устав 1804 года не был актом, основавшим институт цензуры на территории Российской империи. Г. В. Жирков в уже упоминавшейся выше монографии подробно рассмотрел его предысторию⁷⁸.

Первое письменно закреплённое цензурное постановление, принятое в России, относится к 1551 году, когда на Стоглавом соборе была введена, если использовать более современные термины, предварительная и карательная цензура в отношении религиозных рукописных книг. В 28 главе Стоглава про данные типы цензуры говорилось следующим образом: "Также которые писцы по городом книги пишут, и вы бы им велели писати с добрых переводов. Да написав, правили, потом же бы и продавали, а не правив бы книг не продавали. А которой писец написав книгу продаст не исправив, и вы бы тем возбраняли с великим запрещением. А кто у него неисправлену книгу

---

⁷⁵ Русские писатели о цензуре и цензорах. От Радищева до наших дней: 1790-1990: опыт комментированной антологии / Арлен Блюм. - Санкт-Петербург: ООО "Полиграф", 2011. С. 11.

⁷⁶ Здесь не будет рассматриваться вопрос об аутентичности данного произведения.

⁷⁷ Русские писатели о цензуре и цензорах. От Радищева до наших дней: 1790-1990: опыт комментированной антологии / Арлен Блюм. - Санкт-Петербург: ООО "Полиграф", 2011. С. 11.

⁷⁸ Жирков Г.В. История цензуры в России XIX-XX вв.: Учеб. пособие для студентов вузов: [Электронный ресурс]. URL: <http://evartist.narod.ru/text9/35.htm> (дата обращения: 15.05.2016 г.).

купит и вы бы тем потому же возбраняли с великим запрещением, чтобы впредь тако не творили"⁷⁹.

Следующий этап в развитии цензурного законодательства был связан с появлением в XVIII веке первых периодических изданий и с бурным развитием светской типографской активности, а также импорта книг из Европы.

Политика, начатая Петром I и завершённая Елизаветой Петровной, окончательно лишила русскую православную церковь "монополии" на печатание книг, таким образом придав цензуре светский характер. К этому же периоду относилось и формирование карательной цензуры в отношении внецерковной литературы. Во второй половине XVIII века указом от сентября 1763 года Екатерина II предприняла первую попытку узаконения цензурной деятельности государства, призвав "Академию наук... усилить надзор над ввозимой в страну литературой"⁸⁰ и поделив цензорские обязанности между учебными заведениями и градоначальниками. Вероятно, самым характерным актом того времени, обладавшим одновременно разрешительным и запретительным характером, был указ от 15 января 1783 года⁸¹, позволявший открывать типографии любому частному лицу, - но за публикацию неугодной государству информации содержатель типографии подвергался "уголовной ответственности". К концу своего правления императрица издала перечень актов, резко ужесточивших государственный контроль над общественной информацией⁸². Но осуществление цензуры не было подробно регламентировано и продолжало зависеть от сиюминутного настроения

---

⁷⁹ Стоглав. Собор 1551 года: [Электронный ресурс]. URL: http://sidashtaras.ru/img/dejania_stoglava_1551.pdf (дата обращения: 15.05.2016 г.)

⁸⁰ Жирков Г.В. История цензуры в России XIX-XX вв.: Учеб. пособие для студентов вузов: [Электронный ресурс]. URL: <http://evartist.narod.ru/text9/35.htm> (дата обращения: 15.05.2016 г.)

⁸¹ "О позволении во всех городах и столицах заводить Типографии и печатать книги на Российском и Иностраннх языках, с освидетельствованием оных от Управы Благочиния".

⁸² "Об ограничении свободы книгопечатания и ввоза иностранных книг; об учреждении на сей конец Цензур в городах: Санктпетербурге, Москве, Риге, Одессе и при Радзивилловской Таможне, и об упразднении частных типографий"; "О составлении цензур в городах: Санктпетербурге, Москве, Риге, Одессе и при Радзивилловской Таможне из трех особ, одной духовной, одной гражданской и одной ученой, о сочинении штатов сим цензурам и о бытии оным в ведении 3-го Сената Департамента".

властей. В зависимости от политической обстановки деятельность тех или иных литераторов и издателей (Н. Н. Новиков, А. Н. Радищев) могла быть в одночасье признана незаконной, а сами фигуранты - оказаться в тюрьме.

Царствование Павла I запомнилось современникам и потомкам своим тотальным запретом на ввоз иностранной литературы в Российскую империю⁸³.

И лишь в период правления Александра I учреждающие цензуру акты приобрели более фундаментальную правовую форму, чем указы⁸⁴.

История создания Устава 1804 года. Его структура

В период, непосредственно предшествующий изданию Устава, начиная с 1801 года, был издан ряд цензурных указов⁸⁵. Некоторые из них способствовали ослаблению строгости цензурного давления на печать. Это были: указ от 31 марта 1801 года⁸⁶ (отменил указ Павла I о запрете на ввоз иностранных книг), указ от 9 февраля 1802 года⁸⁷ (объявил о возвращении вольных типографий и о постановке цензуры под контроль директоров народных училищ). Но нельзя сказать, что все новообразования исключительно смягчали цензурный режим: например, указ от 1 мая 1803 года⁸⁸ запретил торговлю запрещёнными книгами, привезёнными из-за границы.

Данной системы регулирования, однако, оказалось недостаточно для установления организованной работы этого аппарата, и 9 июля 1804 года был издан Устав о цензуре.

⁸³ Скабичевский А.М. Очерки истории русской цензуры: (1700-1863 г.). СПб.: Ф. Павленков, 1892. С. 70.

⁸⁴ Жирков Г.В. История цензуры в России XIX-XX вв.: Учеб. пособие для студентов вузов: [Электронный ресурс]. URL: <http://evartist.narod.ru/text9/35.htm> (дата обращения: 15.05.2016 г.).

⁸⁵ Скабичевский А.М. Очерки истории русской цензуры: (1700-1863 г.). СПб.: Ф. Павленков, 1892. С. 89-91.

⁸⁶ "Об отмене запрещения ввозить из-за границы книги и музыкальные ноты и о дозволении Типографиям печатания книг".

⁸⁷ "О уничтожении Цензур, учрежденных в городах и при портах; о дозволении учреждать вольные типографии и о поручении Губернаторам рассматривать вновь издаваемые книги".

⁸⁸ "О строжайшем подтверждении Московским книгопродавцам, дабы никто из них ни тайно, ни явно не дерзали выписывать и продавать запрещенные книги".

Процесс его составления не был гладким, во многом благодаря тому, что к созданию документа приложил руку не один человек. Особенно примечательными явились дебаты между президентом Императорской Академии наук Н. Н. Новосильцевым и академиками Н. Я. Озерецковским и Н. И. Фусом (составителями проекта Устава). Итогом этих дебатов стало принятие решения о необходимости сохранения предварительной цензуры (победили Н. Я. Озерецковский и Н. И. Фус). В то же время некоторые предложения Н. Н. Новосильцева (например, допущение к рассмотрению цензурой произведений без имени автора и отдельное цензурирование церковных книг Святейшим Синодом) вошли в итоговый проект документа. Помимо этих трёх чиновников, окончательный вариант Устава подписали и другие члены Главного правления училищ: М. Н. Муравьёв, А. Е. Чарторыйский, С. О. Потоцкий, Ф. М. Клиндер и С. Я. Румовский⁸⁹. Естественно, что на итоговом варианте документа также стояла подпись императора.

Принятый ими вариант Устава состоял из 47 параграфов, собранных в трёх отделениях (текст Устава - см. прил. А).

Первое отделение определяло род деятельности цензуры, целью которой являлось предоставление "обществу книг и сочинений, способствующих к истинному просвещению ума" (параграфы 1-3). Для осуществления этого в каждом округе при университетах формировался цензурный комитет из профессоров (параграф 4). Важным дополнением первого отделения являлось учреждение отдельных цензурных ведомств для духовной цензуры (параграф 8) и цензуры иностранных книг (параграф 9).

Второе отделение Устава было посвящено механизму деятельности цензурных комитетов, то есть предварительной цензуре. Цензор обязан был следить, чтобы в предоставленных ему на проверку рукописях не было

---

⁸⁹ Скабичевский А.М. Очерки истории русской цензуры: (1700-1863 г.). СПб.: Ф. Павленков, 1892. С. 86-95.

ничего "противного закону божию, правлению, нравственности и личной чести какого-либо гражданина" (параграф 15). В случае, если цензор имел сомнения касательно благонадёжности рукописи, он мог передать её на рассмотрение цензурного комитета (параграф 13), а комитет – в Главное правление училищ (параграф 14), что создавало небольшую иерархическую систему. Среди инструкций по разрешению и запрещению рукописей особое место занимают параграфы 21 и 22, призывающие цензора к "благоразумному снисхождению" и к "умеренной строгости".

Третье отделение касалось тех, кто попадал в орбиту действия цензуры. Эта часть предусматривала разного рода инструкции и наказания для сочинителя или издателя, не получивших дозволение на печатание, но книгу издавших (параграфы 39, 41-44, 47). Также ключевыми моментами третьего отделения являлись разрешение автору не раскрывать своего имени (параграф 38) и право сочинителя подать апелляцию в Главное правление училищ в ситуации, если он считал, что цензор вынес несправедливый вердикт (параграф 40).

Цензурный Устав 1804 год имел законодательную силу вплоть до 1826 года. По указанию императора Николая I А. С. Шишков, министр народного просвещения и духовных дел, подготовил новый Устав, действовавший на протяжении двух лет и прозванный "чугунным". Смену акта, как отмечают исследователи, повлекли за собой следующие причины.

- Проведение запретительной цензурной политики привело к фактическому бездействию Устава 1804 года к концу первой четверти XIX века. Восстание декабристов, последовавшее за смертью Александра I, стало поводом для императора Николая I провести "карательные" меры. Одной из таких мер стало усиление цензурного давления на печать. Именно благодаря этим действиям "центр русской

прогрессивной журналистики явно переместился в Москву, подальше от царского двора и министерских чиновников"⁹⁰.

- Проблемы, связанные с цензурованием иностранных книг: данное ведомство не справлялось с потоком ввозимой литературы ввиду, по мнению Н. А. Гринченко, отсутствия отлаженности надзора⁹¹.
- Конфронтация между министерством духовных дел (отвечало за проведение основной цензуры) и Святейшим Синодом (имевшим право на цензурирование религиозных книг)⁹².

За ним в 1828 году пришёл следующий Устав, более либеральный, чем "чугунный", но всё же более строгий, чем документ 1804 года⁹³. Однако, один из самых поразительных парадоксов истории заключается в том, что, несмотря на эту строгость, именно при Николае I произошёл расцвет "золотого века" русской литературы. Во многом это объяснялось тем, что за прошедшие годы русские литераторы и издатели уже наработали свои способы сосуществования с цензурой и фактического частичного игнорирования её. А началась выработка этих подходов как раз после принятия Устава 1804 года.

"Бреши" в тексте цензурного Устава

Важной особенностью Устава 1804 года, делавшего его при определенных условиях действительно либеральным, стали "бреши" в его содержании. Эти бреши позволяли автору при определённых обстоятельствах (о них пойдёт речь в третьей главе, где будут рассматриваться методы обхода цензуры писателем П. А. Вяземским) "продвинуть" своё сочинение, которое,

⁹⁰ Три века московской журналистики: учеб. пособие: [Электронный ресурс] / Б.И. Есин, И.В. Кузнецов. – 2-е изд., перераб. М.: Флинта, Наука, 2005. URL: <http://iknigi.net/avtor-boris-esin/31509-tri-veka-moskovskoy-zhurnalistiki-uchebnoe-posobie-boris-esin.html> (дата обращения: 28.01.2017 г.)

⁹¹ Гринченко Н.А. Надзор за книжной торговлей в конце XVIII - первой половине XIX века / Н.А. Гринченко // Цензура в России: история и современность. - 2011. – № 5. - С. 83-101

⁹² Ruud C.A. Fighting Words: Imperial Censorship and the Russian Press, 1804-1906. University of Toronto Press, 2009. P. 38.

⁹³ Жирков Г.В. История цензуры в России XIX-XX вв.: Учеб. пособие для студентов вузов: [Электронный ресурс]. URL: <http://evartist.narod.ru/text9/35.htm> (дата обращения: 15.05.2016 г.).

по идее, не должно было пройти цензурный рубеж (например, благодаря отрицательной в глазах цензора известности имени автора⁹⁴). Естественно, что рассматривать ситуации публикации сочинений, откровенно противоречащих запретам Устава, сомнительно, ввиду их чрезвычайной редкости. Да и стоит помнить, что здравомыслящий автор никогда (как минимум, в открытую) такого рода сочинения на рассмотрение цензуры не отправлял, даже если был действительно сильно недоволен, например, государственной властью. Конкретные примеры приведены в следующей главе. Здесь же предлагается анализ текста Устава, на предмет наличия в нем "слабых" или двусмысленных мест, которые позволяли писателям обходить цензуру, вместе с тем официально не нарушая существующий закон.

Одними из пунктов акта, наиболее обращавшими на себя внимание исследователей истории русской цензуры, являются параграфы 21 и 22:

"21. Впрочем, цензура в запрещении печатания или пропуска книг и сочинений руководствуется благоразумным снисхождением, удаляясь всякого пристрастного толкования сочинений или мест в оных, которые по каким-либо мнимым причинам кажутся подлежащими запрещению. Когда место, подверженное сомнению, имеет двоякий смысл; в таком случае лучше истолковать оное выгоднейшим для сочинителя образом, нежели его преследовать.

22. Скромное и благоразумное исследование всякой истины, относящейся до веры, человечества, гражданского состояния, законоположения, управления государственного или какой бы то ни было отрасли правления, не только не подлежит и самой умеренной строгости цензуры, но пользуется совершенною свободою тиснения, возвышающею успехи просвещения".

В данных параграфах ясно слышны последствия вейния, заданного ещё в 1801 году, призывавшего к тому, чтобы (как говорилось в одном из цензурных указов Александра I) "доставить им [верноподданным] все возможные способы к распространению полезных наук и художеств"⁹⁵:

---

⁹⁴ Несмотря на то, что в Уставе не говорится о таком обязательном критерии автора, как благонадежность, данная причина часто служила негласным поводом для отказа допускать его произведение к печати.

⁹⁵ПСЗ. Собр. 1. Т. 26. №19807.

призывы к "благоразумному снисхождению", к беспристрастному "толкованию" и к "умеренной строгости цензуры". Наиболее неоднозначным местом является прямое указание проверяющему рукопись истолковывать двусмысленные места в пользу автора. Конечно, как писал А. В. Блюм, это не значило, что на практике неоднозначные места будут и, тем более, должны пониматься в "невинном" смысле. Тем не менее, Устав 1804 года являлся основополагающим документом цензуры первой четверти XIX века, и говорилось в нём ясно: цензор не должен быть предвзятым. Итак, здесь представлены, как минимум, два положения, которые сочинитель мог использовать для того, чтобы продвинуть своё произведение. В итоге, если дело дошло бы до апелляции, то автор имел право представить написанное им в более выгодном свете (то есть, придать таким местам более благонадёжный смысл) и, как следствие, обвинить цензора в предвзятости.

В добавление к этому нужно сказать, что параграфы 21 и 22 обладают неопределённым характером разрешения, тем самым вступая в противоречие с чётким характером запрета, содержащегося в параграфе 15 ("...чтобы ничего не было в оных [книгах и сочинениях] противного закону божию, правлению, нравственности и личной чести какого-либо гражданина"). Можно предположить, что такой "диссонанс" был вызван наличием не единого и единственного составителя Устава, а целых восьми (у которых к тому же в процессе создания документа возникали дискуссии по ряду вопросов).

И эти параграфы - не единственный пример того, как "либеральное" послабление в акте приводило к возможности его обойти. Посмотрим на параграф 38, гласящий:

"Сочинитель, переводчик или издатель, если пожелают, могут не печатать своего имени на сочинении; но имя содержателя типографии непременно должно быть выставлено на заглавном листе, также город, где печатана книга, и год, когда напечатана".

Этот пункт исходил от Н. Н. Новосильцева, считавшего, что таким образом следует поощрить скромных начинающих авторов⁹⁶, не уверенных полностью в успехе своих сочинений и не желающих в случае их провала появления отрицательных отзывов, где упоминалось бы имя сочинителя. Вероятно, что такое толкование данного параграфа также следует отнести к "возможным способам распространения полезных" произведений. Однако подобной "брешью" мог бы попытаться воспользоваться любой сочинитель, которому однажды или несколько раз было отказано в разрешении издать произведение. Вследствие того, что лимит доверия цензора (или человека, стоящего над ним) к такому автору оказывался бы исчерпан, это привело бы к постоянному запрещению печати работ данного писателя, притом даже не на основании содержания текста, а лишь по причине наличия его имени на рукописи. И это происходило, несмотря на отсутствие в Уставе инструкции к подобным действиям цензора.

Например, в таком положении оказывался А. С. Пушкин. В письме к А. А. Бестужеву от 21 июня 1822 года он писал:

"Предвижу препятствия в напечатании стихов к Овидию, но старушку можно и должно обмануть, ибо она очень глупа - по-видимому, ее настращали моим именем; не называйте меня, а поднесите ей мои стихи под именем кого вам угодно..."⁹⁷

Поэт предложил послать стихи, не подписанные его именем, ввиду того, что обоснованно подозревал цензуру в предвзятости к его личности. Исход этой авантюры был следующим. Советы А. С. Пушкина А. А. Бестужеву оказались действенными: в альманахе "Полярная звезда" за 1823 год стихотворение "Овидию" было издано без указания имени автора⁹⁸, правда, небольшой правки цензора избежать все же не удалось - строки: "Не славой - участью я равен был тебе. // Но не унижил век изменой незаконной // Ни гордой совести ни лиры непреклонной" были заменены на иные: "Не

⁹⁶ Скабичевский А.М. Очерки истории русской цензуры: (1700-1863 г.). СПб.: Ф. Павленков, 1892. С. 88.

⁹⁷ Пушкин А.С. Полное собрание сочинений. Л.: Наука, 1979. - Т. 10. - С. 32

⁹⁸ Пушкин А.С. Полное собрание сочинений. Л.: Наука, 1977. - Т. 2. - С. 361.

славой - участью я равен был тебе. // Здесь, лирой северной пустыни оглашая, // Скитался я в те дни, как на брега Дуная // Великодушный грек свободу вызывал, // И ни единый друг мне в мире не внимал; // Но чуждые холмы, поля и рощи сонны, // И музы мирные мне были благосклонны"⁹⁹.

Перейдём к менее действенным способам получения одобрения издания сочинения. Первый из них связан с содержанием параграфа 23:

"Цензура не должна задерживать рукописей, присылаемых на ее рассмотрение, особенно же журналов и других периодических изданий, которые должны выходить в срочное время и теряют цену новости, если издаются позже".

Как видно из этого пункта, время оказывалось не на стороне цензора: его было недостаточно на тщательную проверку (особенно если это не небольшое стихотворение, а целая статья), вследствие чего цензор мог пропустить небольшие двусмысленные места, которые в более благоприятной обстановке нашёл бы. Соответственно, данное распоряжение в какой-то мере играло на руку сочинителю, если учесть, что цензор не был бездушной машиной, осуществляющей беспристрастный контроль, а являлся ещё и человеком, ведущим образовательную деятельность, помимо проверки присылаемых рукописей.

Ещё можно упомянуть способ обхождения цензуры, не обладавший значительной продуктивностью, зато вообще выводивший автора из-под действия Устава. Цензура осуществляла контроль сугубо печатных произведений (параграф 4). Следовательно, почти все рукописи не находились в ведении цензурного аппарата. Таким образом, автор мог распространять небольшие по объёму произведения (например, эпиграммы), переписанные от руки в достаточном количестве, - и не попадать под запреты, регламентируемые данным Уставом. Единственным исключением, согласно десятому пункту Устава, становились рукописи пьес, что ставились

---

⁹⁹ Пушкин А.С. К Овидию: [Электронный ресурс]. URL: <http://feb-web.ru/feb/pushkin/texts/push17/vol02/y21-218-.htm> (дата обращения: 15.05.2016 г.).

в театрах.

Пример действия этого запрета можно найти в ситуации, описываемой А. С. Грибоедовым в письме к С. Н. Бегичеву от 18 мая 1825 года. Писатель сообщал о том, что в некой "школе, приватно, без дозволения цензуры"¹⁰⁰ собираются делать постановку его произведения "Горе от ума". Однако даже такая "локальная" попытка не увенчалась успехом: представление было отменено графом М. А. Милорадовичем "в последний момент"¹⁰¹. Тем не менее, сам текст комедии, несмотря на цензурные препятствия, был доступен в рукописном формате.

Также не стоит забывать, что нигде в тексте документа не упоминалось о защите или неприкосновенности фигуры цензора. Спорно будет утверждать, что следовало бы настоять на введении такого критерия. Но факт остаётся фактом: автор в отсутствии разрешения на пропуск его произведения, в первую очередь, должен был винить именно цензора. (Этот тезис будет рассмотрен в следующей главе.) Поэтому, гипотетически, сочинитель мог попытаться каким-либо образом оказать давление на цензора или даже ему угрожать. (Надо помнить, что некоторые авторы зачастую находились на более высоких ступенях социально-сословной лестницы, чем цензоры.) На это предположение можно сделать следующие возражения. Во-первых, ввиду существования обязательной предварительной цензуры, именно цензор, допустивший "неблаговидное" сочинение к печати, нёс большую ответственность за содеянное и рисковал многим в случае обвинительного вердикта со стороны карательной цензуры. Во-вторых, цензор часто апеллировал к мнению вышестоящего лица, следовательно, находился под его покровительством, что, в свою очередь, делало бы одиночный шантаж в адрес цензора со стороны сочинителя весьма безрассудным поступком.

---

¹⁰⁰ Грибоедов А. С. Письмо Бегичеву С. Н., 18 мая 1825 // Грибоедов А. С. Сочинения. — М.: Худож. лит., 1988. С. 513.

¹⁰¹ Там же. С. 714.

Ниже будет показано, насколько Вяземскому удалось воспользоваться отмеченными "брешиами" в цензурном Уставе 1804 года.

Глава 3. Методы обхода цензуры

"Ум любит простор, а не цензуру"

(П. А. Вяземский, старая записная книжка)

Положение цензора и общее восприятие писателями цензуры в 1804-1826 гг.

Цензурный Устав 1804 года повлек за собой значительное число откликов. Так, Н. И. Греч, говоря о цензурном Уставе, использовал эпитет "благородный"¹⁰², - в сравнении с "жестокой и глупой"¹⁰³ цензурой, осуществляемой при Павле I. А. И. Тургенев в письме к И. И. Дмитриеву¹⁰⁴ заметил, что считает данный документ "прекрасным памятником первого пятилетия государства Александра"¹⁰⁵. Его брат, Н. И. Тургенев (который, по справедливому замечанию авторов монографии "Власть и общество в России XVIII - начала XXI вв.", был одним из "родоначальников либерально-конституциональной эмиграции"¹⁰⁶), в то же время именовал Устав "лучшим цветком в гражданском венке Александра"¹⁰⁷. П. А. Вяземский обратил особое внимание на прописанные в Уставе как указания цензору, так и защиту прав автора¹⁰⁸.

Итак, Устав получил положительную характеристику (которую нельзя отождествлять с отзывами о цензуре и цензорах), пусть и не слишком подробную, у литературных деятелей: у редактора журнала "Сын Отечества" Н. И. Греча, у братьев Тургеневых и у П. А. Вяземского, который (как мы

¹⁰² Греч Н.И. Записки о моей жизни. СПб.: издание А.С. Суворина, 1886. С. 291.

¹⁰³ Там же. С. 158.

¹⁰⁴ Иван Иванович Дмитриев (1760-1837) - баснописец.

¹⁰⁵ Р. Архив 1867 г., ст. 648-649.

¹⁰⁶ Власть и общество в России 18 - начала 21 вв.: История и современность. СПб.: ГУАП, 2011. С. 61.

¹⁰⁷ Семевский В.И. Политические и общественные идеи декабристов. СПб: тип. 1 СПб. труд. артели, 1909. С. 179.

¹⁰⁸ Остафьевский архив князей Вяземских : в 5 т. / Под ред. и с примеч. В.И. Саитова. СПб.: Тип. М. М. Стасюлевича, 1899. – Т. 2. - С. 294-295.

увидим из дальнейшего) в то же время периодически пытался обойти инстанцию, регламентируемую данным актом.

Тем не менее, с момента введения Устава и дальнейших метаморфоз цензурного аппарата недовольство цензурной политикой лишь возрастало, причём не только у людей, которые были ей подчинены и не могли ничего изменить, но и у тех, кто в скором времени оказали влияние на развитие цензуры в Российской империи¹⁰⁹. В том числе и через реформу основополагающих актов.

Так, например, министр просвещения и духовных дел (1824-1828), адмирал А. С. Шишков, был одним из инициаторов введения в 1826 г. нового Устава. В своих наблюдениях (сделанных, в отличие от большинства его либеральных современников, до момента глобальных изменений в цензурном аппарате) он замечал, что Уставу 1804 г. не хватает проработанности и более подробного и чёткого изложения¹¹⁰. "Чугунный" Устав 1826 года, одним из авторов которого был А. С. Шишков, действительно, оказался куда более развёрнутым (в несколько раз больше предыдущего), но и значительно менее действенным: он прекратил своё существование уже через два года.

Эти отклики относились непосредственно к Уставу. Что касается института цензуры, необходимо сразу отметить: в литературном обществе России первой четверти XIX века, несмотря на цензурные решения, которые нередко выносились не в пользу автора, так и не сложилось общего представления о необходимости полной отмены цензуры как средства контроля над выпускаемой в свет информацией. Недовольство сочинителей действующим аппаратом было обусловлено не наличием системы как таковой, а её "недостатками". В пользу этого предположения говорят высказывания некоторых деятелей того времени.

---

¹⁰⁹ Впрочем, Н. И. Греча и П. А. Вяземского тоже можно отнести к деятелям, впоследствии приложившим руку к созданию цензурных актов: Н. И. Греч был причастен к составлению Устава 1828 года, а П. А. Вяземский в 50-е гг. XIX века даже руководил Главным управлением цензуры.

¹¹⁰ Р. Архив 1865 г., ст. 1346-1347.

Н. И. Греч, рассуждая о несправедливостях политики цензуры, проводимой при императоре Павле I, в сравнении с существовавшей при Александре I, признавал, что "есть книги, которых распространения правительство допускать не должно", хотя "их число не велико"¹¹¹. Получается, что Н. И. Греч считал нужной необходимость государственной цензуры в жизни общества, однако выступал за сильное сокращение области её действия.

А. С. Пушкин в период с 1820 по 1826 гг. находился в ссылке из-за недовольства правительства некоторыми эпиграммами, написанными молодым поэтом. В этот период цензоры вынуждены были относиться к А. С. Пушкину строже (поскольку он являлся опальным сочинителем), нередко либо не пропуская его произведения в печать, либо редактируя их отдельные строки. Такие случаи нарушения или изменения целостности авторского замысла сочинения не могли вызывать одобрение у поэта. ("Сделай милость, не уступай... цензуре, отгрызайся за каждый стих"¹¹², - призывал из Кишинёва А. С. Пушкин П. А. Вяземского, доверяя ему печать своих произведений в столице.) Данная ситуация, однако, определялась не только фактором борьбы автора за неприкосновенность своего творения: если произведение не получало разрешения на издание, поэт лишался и заработка. В такие моменты А. С. Пушкин был готов пожертвовать полнотой своего сочинения и отдавал его на усмотрение проверяющего ради получения гонорара.

"...прошу скорее вытащить "Онегина" из-под цензуры ... Долго не торгуйся за стихи - режь, рви, кромсай хоть все 54 строфы, но денег, ради бога, денег!"¹¹³

Кажется, что поэт в этой ситуации имел право, как минимум, на недовольство цензурой, столь сурово его ограничивавшей. Однако А. С.

---

¹¹¹ Греч Н.И. Записки о моей жизни. СПб.: издание А.С. Суворина, 1886. С. 121.

¹¹² Пушкин А.С. Полное собрание сочинений. Л.: Наука, 1979. - Т. 10. - С. 57.

¹¹³ Там же. С. 92

Пушкин не требовал ее ликвидации – он, скорее, думал о её реорганизации, хотя и изъяснялся при этом малоконкретно:

"...дайте нам цензуру строгую, согласен, но не бессмысленную..."¹¹⁴

Поэт не считал цензурный комитет лишним органом самодержавной власти, однако имеющие место тенденции в деятельности аппарата не получали его одобрения.

Кроме "опальных" сочинителей, были и те, что формально находились в привилегированном положении, по сравнению с другими писателями. В качестве одного из самых известных примеров сочинителей такого рода можно привести Н. М. Карамзина, печатавшего свой труд ("История государства российского") "вне цензурных условий"¹¹⁵. Однако и данный писатель (который практически не зависел от цензурского разрешения на издание сочинений и который приобрёл уникальный опыт публикации своих текстов без прохождения ими добровольно-принудительной правки иным лицом) не считал нужным отменить цензуру для остальных писателей. Он заявлял, что проверяющий цензор, даже в последние годы правления Александра I, когда цензура обладала наибольшей предвзятостью, время от времени проявлял излишнюю мягкость по отношению к пропускаемому ею труду. Это настроение писателя замечает В. И. Семевский. По тексту записки Н. М. Карамзина от 1820 года он делает вывод: "...он [Карамзин] считал возмутительными и опасными даже некоторые статьи, печатавшиеся под предварительную цензуру в журналах того времени"¹¹⁶.

В контексте рассуждения о восприятии сочинителями и публицистами института цензуры, регламентируемого Уставом 1804 года, важное место занимает их отношение к фигуре цензора. Но прежде чем говорить об этом отношении, стоит кратко рассмотреть саму фигуру цензора в отрыве от

¹¹⁴ Пушкин А.С. Полное собрание сочинений. Л.: Наука, 1979. - Т. 10. - С. 46.

¹¹⁵ Скабичевский А.М. Очерки истории русской цензуры: (1700-1863 г.). СПб.: Ф. Павленков, 1892. С. 159.

¹¹⁶ Семевский В.И. Политические и общественные идеи декабристов. СПб: тип. 1 СПб. труд. артели, 1909. С. 62.

субъективных мнений цензурируемых писателей.

Как писала Н. А. Гринченко в статье "Цензурное ведомство и его чиновники (1804-1863)"¹¹⁷, цензор первой четверти XIX века вовсе не являлся необразованным чиновником, далёким от интеллектуальной деятельности¹¹⁸, как можно представить, если быть подверженным исключительно негативной и в некоторой степени стереотипной его характеристики со стороны литераторов. Не менее часто в формировании такого мнения у тех, например, кто знакомится с биографией того или иного автора, не последнюю роль играют её составители, включая в своё повествование исключительно негативные факты или отклики о фигуре и деятельности цензора.

Однако, если рассмотреть проблему цензуры России первой четверти XIX века не со стороны людей, ей подверженных и не со стороны лиц, стоящих во главе её организации, данная проблема усложняется. Выделяются, как минимум, три новых аспекта.

Цензор в первую очередь являлся личностью, получившей высшее образование в Российской империи или в Европе, человеком, имевшим "учёную степень доктора наук"¹¹⁹. Иными словами, цензор, прежде всего, был профессором, учёным, а не чиновником или бюрократом. Действительно, это согласовывалось с намерением сделать цензурную политику более просветительской нежели реакционной. Однако высокообразованный госслужащий, находясь под угрозой потери должности в случае совершения ошибки¹²⁰, вынужден был уделять внимание не проверке соответствия произведения "просветительским идеалам", а поиску именно того материала, который мог бы вызвать неприятие у официальной власти. Таким образом, начинала доминировать именно карательная направленность цензуры

---

¹¹⁷ Гринченко Н.А. Цензурное ведомство и его чиновники (1804-1863) / Н.А. Гринченко // Цензура в России: история и современность. - 2013. – Вып. 6. - С. 192-227.

¹¹⁸ Там же. С 194.

¹¹⁹ Там же.

¹²⁰ Имеется в виду не только должность цензора, но и место преподавателя. Например, вышеприведённый случай с профессором Н. Е. Черепановым, упомянутый в труде А. М Скабичевского.

(причём наказание может быть осуществлено как в сторону проверяемого, так и по отношению к проверяющему).

Следующие аспекты положения цензора уже ставили под некоторое сомнение качество его труда. Н. А. Гринченко замечала, что труд цензора не просто был "дополнительной нагрузкой" к его первоначальной работе, но ещё и не оплачивался¹²¹. Действительно, в "Книге штатов"¹²² указано жалование цензоров только петербургского комитета. Понятно, почему именно труд цензоров данного региона оплачивался: на момент создания Устава в Санкт-Петербурге не было действующего высшего учебного заведения, следовательно, не было постоянных университетских профессоров, которым могли бы взять на себя цензорские обязанности. Потому необходимо было создать отдельный локальный орган власти, поскольку, естественно, в столице не могло не существовать цензурного комитета, учрежденного в соответствии с новым указом. Однако непосредственно тот факт, что профессора не получали за свою работу цензорами оплаты, не мог не влиять, как минимум, на их отношение к этому виду деятельности. Получалось, что мнения и настроения вышестоящих чиновников становились не просто главным, но и, практически, единственным стимулом выполнения цензорской деятельности в условиях отсутствия заработной платы.

Более того, вышеописанное положение цензора усугубляло ещё и то, что никто из цензоров не имел опыта такой работы¹²³, прежде чем были сформированы комитеты согласно новому Уставу. (Ведь организация Уставом русской цензуры вовсе не подразумевала, что цензора как такового на тот момент не существовало.) Конечно, это также можно объяснить уже отмеченным желанием правительства привлекать к проверке рукописей в

---

¹²¹ Гринченко Н.А. Цензурное ведомство и его чиновники (1804-1863) / Н.А. Гринченко // Цензура в России: история и современность. - 2013. – Вып. 6. - С. 194

¹²² Устав о ценуре: [Электронный ресурс]. URL: <http://www.opentextnn.ru/censorship/russia/dorev/law/1804/> (дата обращения: 15.05.2016 г.)

¹²³ Гринченко Н.А. Цензурное ведомство и его чиновники (1804-1863) / Н.А. Гринченко // Цензура в России: история и современность. - 2013. – Вып. 6. - С. 195.

первую очередь не "бюрократа", а "просветителя". Однако данное решение имело и не столь положительные последствия: цензурную деятельность осуществляли люди, не привыкшие к ней и ей не обученные. Впрочем, может быть, именно отсутствие опыта у большинства цензоров первой четверти XIX века и послужило одной из причин того, что цензура стала строже лишь по истечении лет.

Таким образом, можно увидеть, что положение цензора в период правления Александра I вовсе не было достаточно надёжным. Кроме субъективизма цензора по личным и внешним причинам, дополнительные трудности создавали и условия, вызванные образованием нового цензурного законодательства.

Тем не менее, в отзывах писателей нередко можно встретить обвинения именно личности цензора, а не самого цензурного аппарата. В списки известных "недоброй" славой имён заслуженно и нет нередко попадали следующие:

- Иван Осипович Тимковский (1768-1837) - действительный статский советник, цензор петербургского комитета с 1804 по 1821 гг.;
- Александр Степанович Бируков (1772-1844) - действительный статский советник, цензор петербургского комитета с 1821 года;
- Александр Иванович Красовский (1776-1857) - тайный советник, цензор петербургского комитета с 1821 по 1826 гг., в дальнейшем - начальник цензурного комитета;
- Григорий Максимович Яценков¹²⁴ (1778-1852) - журналист, цензор петербургского комитета с 1804 по 1820 гг.

Прежде всего, нужно отметить, что все эти люди относились к санкт-петербургским цензорам. Наверное, существуют две возможные причины объяснения того, почему цензоры именно этого комитета получали нелестные

---

¹²⁴ Его фамилия встречается и в другом варианте: Яценко.

отзывы в первую очередь. Первая: Санкт-Петербург - столица Российской империи, её центр, место, где большинство писателей стремились быть напечатанными. Эту причину дополняла следующая: как было указано ранее, ввиду отсутствия университета на территории столицы империи, комитет формировался не из профессоров, а преимущественно из чиновников, которые, наверное, стремились следить не столько за просвещением читателей, сколько за продвижением тех сочинений, что отвечали видам правительства или не вступали с ним в противоречие.

Как можно заметить, карьера И. О. Тимковского и Г. М. Яценкова в качестве цензоров началась в 1804 году, в год создания Устава, и закончилась в 20-е годы, тогда как для А. С. Бирукова и А. И. Красовского именно это время - начало их деятельности. Наверное, данный пример подчёркивает смену самодержавных настроений, происходившую в конце правления Александра I.

Естественной и частой реакцией писателя, произведения которого периодически правили или не допускали в печать по предвзятым соображениям, был такой же предвзятый и недоброжелательный отзыв о цензоре. Подобный вывод ("во всём стоит винить цензора") писатели делали, не всегда помня о том факте, что цензор нередко оказывался фатально зависим как от мнения человека, стоящего над ним, так и от правительственных веляний в целом.

В этой связи А. И. Тургенева можно назвать одним из немногих деятелей той эпохи, что высказывался в защиту фигуры цензора (например, в письме к П. А. Вяземскому):

"Я хлопотал за "Полярную Звезду" и говорил с цензором о твоих и Пушкина стихах, но не цензор виноват"¹²⁵. (Т., 6 ноября 1823.)

Такое отношение А. И. Тургенева к цензору, впрочем, находит своё

---

¹²⁵ Остафьевский архив князей Вяземских : в 5 т. / Под ред. и с примеч. В.И. Саитова. СПб.: Тип. М. М. Стасюлевича, 1899. – Т. 2. - С. 365.

объяснение: работая в Министерстве народного просвещения, он не мог не становиться реальным наблюдателем того, в какие условия был поставлен петербургский цензор. Соответственно, благодаря своему положению, А. И. Тургенев в большей мере, чем современные ему писатели, способен был понять цензора и даже посочувствовать ему:

"Напрасно ты нападаешь на Тимковского. <...> Он - человек почтенный по многим отношениям и даже цензурным"¹²⁶. (Т., 2 февраля 1821.)

Менее снисходительным, но изредка допускающим неотрицательную характеристику цензора, можно назвать А. С. Пушкина. Так, цензор А. С. Бируков, не любимый А. С. Пушкиным за внесённые изменения в текст "Кавказского пленника"¹²⁷, получил с разницей в год двойственные и противоположные друг другу оценки.

В июне 1824 года А. С. Пушкин отозвался о нём как о "глупом и своенравном"¹²⁸ человеке, а ранее, употребляя фамилию "Бируков" в качестве имени нарицательного для обозначения всех цензоров, косвенно приравнивал А. С. Бирукова к "трусливому дураку"¹²⁹, используя эти два определения в качестве синонимов:

"...стыдно, что благороднейший класс народа ... подвержен самовольной расправе трусливого дурака. <...> лучше бы дельно приняться за Бируковых"¹³⁰. (Пушкин, 6 февраля 1823 г.)

Однако год спустя этот цензор получил куда более лестную оценку: "Бируков - человек просвещенный; кроме его, я ни с кем дела иметь не хочу. Он и в грозное время был милостив и жалостлив"¹³¹.

Тем не менее, господствующим в писательском обществе России первой четверти XIX века оставалось презрительное отношение к цензору,

¹²⁶ Остафьевский архив князей Вяземских : в 5 т. / Под ред. и с примеч. В.И. Саитова. СПб.: Тип. М. М. Стасюлевича, 1899. – Т. 2. - С. 151.

¹²⁷ Пушкин А.С. Полное собрание сочинений. Л.: Наука, 1979. - Т. 10. - С. 54-55.

¹²⁸ Там же. С. 73.

¹²⁹ Там же. С. 46.

¹³⁰ Там же.

¹³¹ Там же. С. 103.

обвиняющее его в недостатках деятельности цензурного аппарата.

Здесь будет весьма показательна история, случившаяся с Н. И. Гречем. Искреннее негодование редактора, вызванное тем, что была вымарана часть текста его журнала, породило тираду:

"Да вот, посмотрите, как этот дурак цензор Бируков вымарал из «Сына Отечества» самые невинные вещи, в которых он видит черт знает что! Да и хорошо наше умное правительство! Цензуру поручает набитым дуракам и подлецам. Ну, может ли такой глупый семинарист судить о литературе, о политике? Может ли он быть хорошим, верным подданным? А ему верят, а не верят мне, известному писателю, дворянину, отцу семейства; стану ли я изменять правительству, действовать вопреки его видам?¹³²"

Данный пример подчёркивает, на кого и каким образом выливается возмущение публициста, вызванное неугодной ему редакцией его материалов. Тут цензор - "дурак", "подлец", "глупый семинарист" - противопоставлен "известному писателю и дворянину", который априори заслуживает доверия со стороны правительства. Правда, Н. И. Греч отметил в воспоминаниях далее, что эти слова были сказаны не в процессе вдумчивого рассуждения или беседы, а в результате плохого настроения (зато "от глубины души"¹³³), - однако это лишний раз показывает, до какой степени необоснованно и даже "инстинктивно" сочинитель был готов осуждать цензора. В целом, по мнению Н. И. Греча, главная проблема цензурного аппарата заключалась в том, что должности цензоров занимали не те люди: "[Правительство] Цензуру поручает набитым дуракам и подлецам"¹³⁴.

Другие деятели той эпохи разделяли мнение Н. И. Греча. В. И. Семевский приводил следующие комментарии В. К. Кюхельбекера и А. С. Грибоедова.

В. К. Кюхельбекер:

---

¹³² Греч Н.И. Записки о моей жизни. СПб.: издание А.С. Суворина, 1886. С. 371-372.

¹³³ Там же. С. 372.

¹³⁴ Там же. С. 371.

"...крайнее стеснение, которое российская словесность претерпевала в последнее время не в силу цензурного Устава, но, как полагал я, от самоуправства цензоров¹³⁵".

А. С. Грибоедов:

"...я говорил не о безусловной свободе книгопечатания, желал только, чтобы она не стеснялась своенравием иных цензоров"¹³⁶.

Завершал этот "обвинительный процесс" П. А. Вяземский, доходя до призывов к физическому насилию в отношении цензоров:

"Право, ударил бы и Красовского. Да и теперь готов выбить золотую медаль в тысячу в честь того, который поколотит его... Должно бить цензора до того, что никто за миллионы и за Андреевские не пойдёт в цензоры"¹³⁷. (В., 7 декабря 1822.)

Таким образом, отношение к "несчастному" цензору у русских литераторов оставалось сугубо отрицательным.

Пути обхода цензуры в переписке П. А. Вяземского и А. И. Тургенева

Формирование мнений писателей о цензуре, цензорах и Уставе, действовавших в продолжение первой четверти XIX века, не было единственной формой понимания данных явлений. Другим способом их восприятия становился поиск методов взаимодействия с этими феноменами, направленных на преодоление препятствий, создаваемых цензурным аппаратом.

Переписка П. А. Вяземского и А. И. Тургенева за 1812-1845 гг. стала именно таким источником, который предоставил масштабные сведения и оценочные суждения, относящиеся к периоду первой половины XIX века. В рамках данного исследования будут выбраны лишь отдельные отрывки из тех

---

¹³⁵ Семевский В.И. Политические и общественные идеи декабристов. СПб: тип. 1 СПб. труд. артели, 1909. С. 180.

¹³⁶ Там же. С. 180.

¹³⁷ Остафьевский архив князей Вяземских : в 5 т. / Под ред. и с примеч. В.И. Саитова. СПб.: Тип. М. М. Стасюлевича, 1899. – Т. 2. - С. 286.

писем, в которых содержатся материалы, касающиеся цензуры. Но сначала нужно сказать несколько дополнительных слов о положении корреспондентов на момент царствования императора Александра I.

Князь Пётр Андреевич Вяземский (1792-1878) - русский поэт, участник Бородинской битвы, член литературного общества "Арзамас". С 1817 по 1821 гг. служил в канцелярии императорского комиссара в Польше, деятельность которого была связана с проектом реформирования данного региона. Продвижение по служебной лестнице было временно приостановлено в связи с высказыванием им неодобрения политикой Александра I (отказ императора от широких либеральных преобразований в царстве Польском задел князя)¹³⁸, после чего П. А. Вяземский столкнулся с ещё большими проблемами при прохождении своих текстов через цензуру¹³⁹.

Александр Иванович Тургенев (1784-1846) - общественный деятель, так же, как и П. А. Вяземский, являлся членом литературного общества "Арзамас". С 1810 по 1824 гг. находился во главе департамента духовных дел иностранных исповеданий¹⁴⁰. После преобразования Министерства народного просвещения в 1824 году А. И. Тургенев был уволен от этой должности, но продолжал оставаться членом комиссии по кодификации законов¹⁴¹.

В материалах данной переписки П. А. Вяземского с А. И. Тургеневым можно обнаружить упоминания о разнообразных способах по урегулированию вопросов, связанных с противоречиями, возникающими между авторами и цензурным ведомством.

---

¹³⁸ Бондаренко В.В. Вяземский: [Электронный ресурс]. URL: <http://www.rulit.me/download-books-337944.html?t=fb2> (дата обращения: 15.05.2016 г.).

¹³⁹ Небольшая "ирония судьбы" П. А. Вяземского состоялась в том, что впоследствии он некоторое время возглавлял Главное управление цензуры, хотя в период царствования Александра I не одобрял цензурную деятельность.

¹⁴⁰ Подразделение Министерства народного просвещения и духовных дел. Также одним из департаментов Министерства было Главное правление училищ, курирующее цензуру.

¹⁴¹ Тургенев Александр Иванович: [Электронный ресурс] // Биографический словарь. URL: <http://enc-dic.com/biography/Turgenev-Aleksandr-Ivanovich-12853.html>. (дата обращения: 15.05.2016 г.).

Исследователь И. П. Фут приводил¹⁴² примеры обхождения цензурных препятствий русскими писателями на протяжении всего XIX века. Эти методы сводились к следующему списку:

- распространение произведения в рукописях;
- издание за рубежом или в нелегальных типографиях;
- самоцензура, помощь редактора с проверкой до отправки рукописи цензору;
- содействие цензора в связи с получением его расположения (посредством как дружбы, так и взятки);
- апелляция в высшие инстанции;
- возможность выбора цензурного комитета и времени представления издания к проверке;
- неформальное обращение к авторитетному лицу или к императору;
- сокрытие имени автора или названия текста;
- приписывание собственного текста иностранному источнику;
- превышение допустимого объёма печатаемой рукописи, что влекло за собой возможность не проходить предварительную цензуру (действовало после 1865 г.);
- назначение фиктивных редакторов и издателей.

Рассмотрим арсенал приемов, которыми пользовался П. А. Вяземский для обхода цензуры. (Тот факт, что Вяземскому были присущи и самоцензура, и правка его произведений друзьями и редакторами¹⁴³, оставим при этом в

---

¹⁴² Фут И.П. Контрцензура: Авторы против цензоров в России XIX в. / И.П. Фут // Книжное дело в России в XIX – начале XX века. - 2004. - Вып.12. - С. 120 - 168.

¹⁴³ При этом он мог как принять правки, так и оспорить их.

стороне).

Распространение произведений в списках

Начнём с первого способа, наиболее далёкого от деятельности цензурного аппарата. Им становилось распространение рукописных текстов как в достаточно объёмных масштабах (комедия "Горе от ума" А. С. Грибоедова существовала приблизительно в 40 000 рукописях к 1830 г.¹⁴⁴), так и в относительно малочисленных экземплярах, предназначенных для друзей автора и лиц, которым можно доверять. Пример второго из указанных вариантов можно найти и в письме П. А. Вяземского:

"...но если издатели "Сына Отечества" не напечатают моего письма, присланного к Дашкову¹⁴⁵, то прочти его у него"¹⁴⁶. (В., 15 июня 1814.)

По данному отрывку тяжело установить причину, по которой П. А. Вяземский предполагал получить отказ в публикации письма. В то же время нужно отметить, что этот эпизод является наиболее показательным в плане предвосхищения последующих действий автора в случаях, когда его тексты не бывали опубликованы. Хотя здесь представлен неявный конфликт с цензором или издателем, который автор желал бы разрешить в свою пользу, тем не менее, некоторое подобие "противоборства с цензурой" здесь всё же наблюдается. Пусть письмо опубликовано не будет, но небольшое (конечно, не сопоставимое с аудиторией печатной продукции) распространение среди друзей оно получит, даже оставаясь в одном-единственном экземпляре. А дальше (гипотетически) понравившийся нескольким прочитавшим определённый рукописный отрывок мог распространяться со скоростью геометрической прогрессии на словах или на бумаге, хотя и не в печатном виде.

¹⁴⁴ Фут И.П. Контрцензура: Авторы против цензоров в России XIX в. / И.П. Фут // Книжное дело в России в XIX – начале XX века. - 2004. - Вып.12. - С. 122.

¹⁴⁵ Дмитрий Васильевич Дашков (1789-1839) - основатель общества "Арзамас".

¹⁴⁶ Остафьевский архив князей Вяземских : в 5 т. / Под ред. и с примеч. В.И. Саитова. СПб.: Тип. М. М. Стасюлевича, 1899. – Т. 1. - С. 24.

Образцовый пример: произведение "Das Habermuß" И. П. Гебеля было переведено В. А. Жуковским (получило название "Овсяный кисель") в 1816 году, нижеследующее письмо П. А. Вяземского с просьбой им поделиться датируется 1817 годом, а само стихотворение было опубликовано в 1818 году. Оно, конечно, не являлось сочинением, не угодным государству. Тем не менее, если представить, что на месте "Овсяного киселя" стояло любое произведение, скорее всего, механизм распространения не претерпел бы больших изменений.

"Сделай доброе дело: вели переписать "Овсяный кисель" и сказку и пришли их, если не ради меня, то ради жены, которой хочется их прочесть"¹⁴⁷. (В., 5 августа 1817.)

Особое значение здесь имеет местоположение включённых сюда личностей. В. А. Жуковский и А. И. Тургенев находились в Петербурге (соответственно, могли встречаться лично и делиться произведениями), тогда как П. А. Вяземский в конце 1817 года жил то в своём имении Остафьево, то в Москве. П. А. Вяземский и В. А. Жуковский также находились в дружеской переписке друг с другом - однако письма периодически доставлялись непосредственно с помощью А. И. Тургенева ("Письмо твое к Жуковскому в свое время получил... отвечать он может сам"¹⁴⁸.) - и интересовались творчеством друг друга. В отличие от предыдущего примера, этот демонстрирует уже просьбу поделиться ещё не напечатанным текстом, что не возбраняется цензурным Уставом.

Следующий отрывок показывает, как происходил взаимный обмен собственными произведениями до их издания между сочинителями:

"Вчера послал либеральные стихи твои Дмитриеву"¹⁴⁹. (Т., 23 октября 1818.)

Здесь, однако, настораживает употреблённый А. И. Тургеневым эпитет

---

¹⁴⁷ Остафьевский архив князей Вяземских : в 5 т. / Под ред. и с примеч. В.И. Саитова. СПб.: Тип. М. М. Стасюлевича, 1899. – Т. 1. - С. 79.

¹⁴⁸ Там же.

¹⁴⁹ Там же. С. 134.

"либеральные": быть может, эти стихи и встретили препятствия со стороны цензуры; но нельзя отрицать, что они не нашли своего читателя.

Получение сведений о запрещённых книгах и обмен ИМИ

Другой момент, который здесь рассматривается, касается обмена информацией про запрещённые и про редкие книги (одинаково "практически недоступные") в Российской империи, или подправленные цензурой издания (в основном иностранные). Практика обмена такими изданиями произведениями была характерна для П. А. Вяземского и А. И. Тургенева¹⁵⁰ (особенно поддерживалась "петербургским" корреспондентом). А. И. Тургеневу, как главе одного из департаментов Министерства народного просвещения и духовных дел, были доступны книги, по которым ставился вопрос об их запрещении в России. Однако и П. А. Вяземский, оказывающийся в условной изоляции от творчества соотечественников, приобретал выгодное положение относительно доступа к иностранной литературе, поскольку находился в Варшаве, которая не только располагалась на западной границе империи¹⁵¹ (а значит, там были более сильны связи с соседними странами), но и обладала на тот момент несколько иным законодательством (что позволяло с большей простотой получать доступ к произведениям из соседних стран, возможно, даже до возникновения к ним значительного интереса на территории России).

От рукописного копирования данный случай отличается тем, что все подобные издания часто достигали этапа предварительной цензуры; следовательно, в случае их запрещения делиться сведениями о них или их экземплярами было опасно, так как это могло быть расценено в качестве нарушения цензурного Устава, за соблюдением которого к тому времени уже

---

¹⁵⁰ "...посылаю тебе книжку о тюрьмах..." (Остафьевский архив князей Вяземских : в 5 т. / Под ред. и с примеч. В.И. Саитова. СПб.: Тип. М. М. Стасюлевича, 1899. – Т. 1. – С. 366.)

¹⁵¹ С 1815 года.

следило министерство полиции.

Наиболее "безобидным" примером может служить эпизод, где А. И. Тургенев делился со своим адресатом исключённым из печатного варианта отрывком.

"Я не сдержал слова и принял два или три текста, полагая, что они пройдут под эгидою языческого эпитафия, *который, однако ж, цензура вымарала, но ты получишь*"¹⁵². (Т., 9 октября 1818; курсив мой - А. М.)

В следующем письме затрагивалось событие, произошедшее в 1818 году на Ахенском конгрессе. А. С. Стурдза¹⁵³ получил распоряжение от Александра I написать брошюру, советовавшую провести контрреформу германских университетов с целью избежать усиления революционных настроений. Содержание данной брошюры, предназначенной для участников конгресса, спустя некоторое время попало в английские и немецкие газеты, вызвав негативный отклик со стороны жителей германских государств¹⁵⁴. Впоследствии текст документа достиг территории Российской империи.

"Кстати о цензуре: сегодня получил я, наконец, и прочел с жадностью и негодованием брошюру Стурдзы: "Sur l'etat actuel de l'Allemagne"¹⁵⁵, которая в пятидесяти экземплярах напечатана в Ахене, роздана всем иностранным министрам и прислана сюда некоторым только избранным"¹⁵⁶. (Т., 11 декабря 1818.)

Далее он приводил выписки цитат, сопровождая их собственными комментариями. А. И. Тургенев оказался в числе названных им "некоторых избранных", получивших доступ к брошюре. Нельзя, конечно, назвать её "запрещённым документом", нарушавшим Устав. Однако если заменить произведение А. С. Стурдзы табуированной литературой, механизм по

¹⁵² Остафьевский архив князей Вяземских : в 5 т. / Под ред. и с примеч. В.И. Саитова. СПб.: Тип. М. М. Стасюлевича, 1899. – Т. 1. - С. 128.

¹⁵³ Александр Скарлатович Стурдза (1791-1854) - российский дипломат.

¹⁵⁴ Стурдза, Александр Скарлатович: [Электронный ресурс] // Большая биографическая энциклопедия. URL: http://dic.academic.ru/dic.nsf/enc_biography/117217/%D0%A1%D1%82%D1%83%D1%80%D0%B4%D0%B7%D0%B0 (дата обращения: 15.05.2016 г.).

¹⁵⁵ "Меморандум о настоящем положении Германии" (1818)

¹⁵⁶ Остафьевский архив князей Вяземских : в 5 т. / Под ред. и с примеч. В.И. Саитова. СПб.: Тип. М. М. Стасюлевича, 1899. – Т. 1. - С. 169.

обмену иностранными книгами остаётся прежним. А доказательство того, что А. И. Тургенев время от времени располагал доступом к табуированной литературе, имеется в нижеследующем отрывке:

"...Читаю французского Струдзу: аббата de-Menais, которого новая книга, сбор старых пьес его, у нас запрещена, и только один экземпляр выдан мне"¹⁵⁷. (Т., 3 декабря 1819.)

Вслед за этим А. И. Тургенев немногословно делился своими впечатлениями от прочитанного, однако, не приводил даже небольших выписок из запрещённого труда, которые, наверное, были бы интересны П. А. Вяземскому, если вспомнить, что обсуждения того, что было написано и прочитано обоими корреспондентами, занимало далеко не последнее место в их беседе и что периодически такими выписками они обменивались. При этом А. И. Тургенев время от времени обращался к П. А. Вяземскому, находящемуся в Варшаве, с просьбами.

Первый из отрывков не предполагал явно просьбы прислать хотя бы цитаты из названного произведения, а лишь намекал на желание получить отзыв или просто комментировал сложившуюся ситуацию (например, в Царстве Польском не возбранялось читать сочинение, посвящённое трём разделам Польши, а в Петербурге оно было запрещено).

"Габбе¹⁵⁸ мне сказывал, что ты уже читаешь Ferrand "Les trois demembrements"¹⁵⁹, а для нас это запрещённый плод, и потому более на него позывает"¹⁶⁰. (Т., 9 февраля 1821; курсив мой - А. М.)

Во втором отрывке уже излагалось конкретное и чётко выраженное желание (правда, чужое) получить доступ к табуированной литературе:

"Он [Дмитриев] просит запрещённой прозы о Вольтере..."¹⁶¹. (Т., 7 января 1820.)

¹⁵⁷ Остафьевский архив князей Вяземских : в 5 т. / Под ред. и с примеч. В.И. Саитова. СПб.: Тип. М. М. Стасюлевича, 1899. – Т. 1. - С. 366.

¹⁵⁸ Пётр Андреевич Габбе (1796-1841) - русский поэт.

¹⁵⁹ "Три раздела Польши..." (1820) – книга Антуана Франсуа Клода Феррана.

¹⁶⁰ Остафьевский архив князей Вяземских : в 5 т. / Под ред. и с примеч. В.И. Саитова. СПб.: Тип. М. М. Стасюлевича, 1899. – Т. 2. - С. 158.

¹⁶¹ Там же. С. 5.

И раз такая просьба была упомянута, можно предположить, что А. И. Тургенев рассчитывал на позитивный отклик со стороны Вяземского, иначе бы не стал бы об этом заводить разговор.

Выбор между различными местами издания

Небольшим преимуществом писателей, однако, считалось наличие, как минимум, нескольких возможных мест для публикации. Давно прошли времена, когда количество типографий или периодических изданий в крупных губерниях Российской империи сводилось к нулю или единице. К разным округам, в свою очередь, относились разные цензурные комитеты, что не могло не приводить к неравным стандартам проверки текста. А. М. Скабичевский, например, писал об основных цензурных недопущениях, преимущественно совершаемых на территории округа Санкт-Петербургского университета, но мало говорил об иных комитетах. Логично предположить, что, хотя многие литераторы хотели издаваться именно в Петербурге (так как публикация в столичном издании котировалась выше), проверка книги цензором в иных городах проходила куда мягче. В частности, это предположение находит доказательство в письмах П. А. Вяземского:

"Зачем не печатаете вы "Видения"? Если нельзя в Питере, то не хотите ли мне поручить? Я думаю, у Всеволожского¹⁶² можно напечатать"¹⁶³. (В., 4 ноября 1815.)

И:

"Если тебе некогда печатать и нет у вас человека на примете, коему доверить можно заботы о печатании, то отошли манускрипт сюда. Мы здесь у Семена напечатаем не хуже и скорее вашего"¹⁶⁴. (В., вторая половина сентября 1821.)

Конечно, большую роль играет тот факт, что "москвич" П. А.

---

¹⁶² Николай Сергеевич Всеволожский (1772-1857) - военный деятель, с 1809 по 1817 год имел собственную типографию в Москве.

¹⁶³ Остафьевский архив князей Вяземских : в 5 т. / Под ред. и с примеч. В.И. Саитова. СПб.: Тип. М. М. Стасюлевича, 1899. – Т. 1. - С. 33.

¹⁶⁴ Остафьевский архив князей Вяземских : в 5 т. / Под ред. и с примеч. В.И. Саитова. СПб.: Тип. М. М. Стасюлевича, 1899. – Т. 2. - С. 213.

Вяземский (данные письма были отправлены, когда поэт находился не в Варшаве) больше знал о типографиях близ Москвы или Остафьево. Ему тяжело было лично общаться с цензорами и издателями Петербурга, если он там не находился. Поэтому если П. А. Вяземского не печатали в столице, то ему можно было попробовать сделать это во втором по значению городе России; тем более П. А. Вяземский был знаком с типографом или хотя бы наслышан о его намерении сотрудничать по вопросам издания. Однако таким образом князь поступал, только если считал, что не сумеет публиковаться в петербургских журналах.

В том случае, если П. А. Вяземский полагал, что стоит присылать свои произведения именно в петербургские издания, ему предоставлялся выбор из значительного (в современных ему реалиях) количества столичных журналов и газет.

"Лучше отослать в "Сын Отечества"¹⁶⁵, но если струсит, так в "Благонамеренный"¹⁶⁶, или хотя в "Сионский Вестник"¹⁶⁷, если он не вовсе умер"¹⁶⁸. (В., 25 сентября 1818.)

Или:

"Приложенную французскую статью отдай в "Conservateur"¹⁶⁹, а русский перевод, списавши его, - в петербургские газеты или "Северную Почту"¹⁷⁰, пользуясь благоприятною болезнью обер-холодного почтаря¹⁷¹"¹⁷². (В., 24 июля 1819.)

Или:

"Вот мое последнее слово. Напечатай его у Греча¹⁷³ или Воейкова¹⁷⁴, где

---

¹⁶⁵ "Сын Отечества" - петербургский журнал Н. И. Греча.

¹⁶⁶ "Благонамеренный" - петербургский журнал, издаваемый А. Е. Измайловым в 1818-26 гг.

¹⁶⁷ "Сионский вестник" - петербургский журнал, издаваемый А. Ф. Лабзиным в 1806-07 гг. и 1817-18 гг.

¹⁶⁸ Остафьевский архив князей Вяземских : в 5 т. / Под ред. и с примеч. В.И. Саитова. СПб.: Тип. М. М. Стасюлевича, 1899. – Т. 1. - С. 124.

¹⁶⁹ "Le Conservateur Impartial" - газета, издаваемая в Петербурге.

¹⁷⁰ "Северная почта" - петербургская газета.

¹⁷¹ Вероятно, имеется в виду П. С. Мещерский, занимавший должности обер-прокурора Святейшего Синода и главы правления училищ с 1817 по 1833 гг.

¹⁷² Остафьевский архив князей Вяземских : в 5 т. / Под ред. и с примеч. В.И. Саитова. СПб.: Тип. М. М. Стасюлевича, 1899. – Т. 1. - С. 272-273.

¹⁷³ "Сын Отечества".

¹⁷⁴ Предположительно, петербургская газета "Русский инвалид", где А. Ф. Воейков являлся редактором с 1821 года.

сподручнее. Но непременно нужно статье быть в петербургском журнале"¹⁷⁵. (В., 1 мая 1824.)

Действительно, все представленные в этих отрывках периодические издания относились к столичным, ни в одном из отрывков нет упоминания о печати в иных городах Российской Империи, а напротив, явно высказывалось предпочтение публиковаться в Петербурге. Вероятность успеха также была связана с наличием в Петербурге большого количества журналов и газет, обладающих разной политикой изданий и отличными друг от друга по своим идейным установкам редакторами. А потребность редактора в интересном ему материале могла привлечь его на сторону автора в столкновении с цензором, особенно если издатель находился в дружественных отношениях с сочинителем (например, Н. И. Греч):

"Он [Яценков] возвратил Гречу твою пьесу. Не знаю еще, на что Греч решится и будет ли просить по начальству, то есть, возьмет ли апелляцию..."¹⁷⁶ (Т., 30 апреля 1819.)

Но если договориться не удавалось, то был ещё один вариант - зарубежные издательства. Причём нельзя сказать, что литераторы пользовались этим методом исключительно в обход российской цензуры - были прецеденты, когда книги печатались за границей не с целью создания "неблагонадёжного" произведения. В нижеследующем отрывке это подтверждается тем, что о таких изданных за границей сочинениях ставили в известность императора Александра I (не по доносу).

"Он [брат Тургенева] готовится принимать в Мобёже государя императора и показывать ему героев его, читающих по Ланкастеровой методе *русские книги, в Мобёже напечатанные*"¹⁷⁷. (Т., 16 октября 1818; курсив мой - А. М.)

В контексте рассматриваемого предмета не менее показателен ультиматум П. А. Вяземского, полагавшего, что в определённой ситуации ему

¹⁷⁵ Остафьевский архив князей Вяземских : в 5 т. / Под ред. и с примеч. В.И. Саитова. СПб.: Тип. М. М. Стасюлевича, 1899. – Т. 3. - С. 38.

¹⁷⁶ Остафьевский архив князей Вяземских : в 5 т. / Под ред. и с примеч. В.И. Саитова. СПб.: Тип. М. М. Стасюлевича, 1899. – Т. 1. - С. 224.

¹⁷⁷ Там же. С. 131.

можно было воспользоваться только зарубежными типографиями:

"Или цензура все пропустит, или ничего не напечатаю, разумеется, здесь. Но тогда переведу её с помощью других на французский язык и напечатаю в Париже, как памятник нашего варварства"¹⁷⁸. (В., 2 февраля 1823.)

Князь подразумевал, что при должном владении иностранным языком и при возможности выезда в Европу его произведение могло быть издано. Конечно, такой вариант имел отрицательные черты (дополнительная работа по переводу текста; время, затраченное на поездку в Париж и обратно; отсутствие заработка, так как печать, происходившая за свой счёт, вероятнее всего, не была бы окуплена; менее значительная область распространения сочинения); но в этом письме на переднем плане явственно звучал мотив поэта - стремление напечатать рукопись "из принципа", а другие издательские нюансы его не беспокоили.

Впрочем, подобные ультиматумы П. А. Вяземского, в конечном счёте, в основном оставались на словах и на бумаге.

Принятие условий цензора для публикации

Более достижимым вариантом и более частой практикой являлось вынужденное согласие сочинителя с вердиктом цензора, после чего произведение выходило в печать с правками. Наверное, такая смена расстановки приоритетов была характернее для авторов, которые зависели финансово от литературного поприща или хотели известности. П. А. Вяземский не всегда располагал значительными средствами (как он писал про свою молодость, "я прокипятит на картах около полумиллиона"¹⁷⁹), и у него было сильное желание увидеть свои произведения опубликованными¹⁸⁰.

---

¹⁷⁸ Остафьевский архив князей Вяземских : в 5 т. / Под ред. и с примеч. В.И. Саитова. СПб.: Тип. М. М. Стасюлевича, 1899. – Т. 2. - С. 298.

¹⁷⁹ Там же. С. 362.

¹⁸⁰ "Я хочу заживо быть пугалом и бить не на живот, а насмерть, но животом, а не смертью". (Остафьевский архив князей Вяземских : в 5 т. / Под ред. и с примеч. В.И. Саитова. СПб.: Тип. М. М. Стасюлевича, 1899. – Т. 1. - С. 261.)

Поэтому он нередко соглашался на правки цензоров, стараясь находить в плодах их действий утешительное для себя значение. Периодически он то ли в шутливой, то ли в гневной форме интерпретировал наличие вымаранных мест в своих произведениях: "Точки [многоточия] непременно нужны: пусть из каждой выглядывает в глаза всех и каждого государственная и правительственная нелепость"¹⁸¹. - "Они [точки] отныне будут вывеской мыслящего пера"¹⁸².

Но не всё время П. А. Вяземский так спокойно относился к тому, что его сочинения выходили в печать, теряя определённую долю текста. Им подчас предпринимались попытки одновременно и не лишиться собственное произведение авторского замысла, и угодить предварительной цензуре, предположив, к чему она может придраться. К примеру:

"Да, кстати, пришли мне моего "Вольтера"; может быть, успею я его так перекроить, что и волк будет цел, и овца, или ослица, или цензура сыта"¹⁸³. (В., 5 июля 1819.)

По этому отрывку дополнительно можно проследить отношение П. А. Вяземского к цензорам. Пословицу "и волки сыты, и овцы целы" он осознанно переделал, не желая ставить себя в положение пусть целой, но овцы, а цензуру "припечатывая" нелестным сравнением с ослицей.

В ноябре 1822 года между корреспондентами состоялся следующий показательный диалог:

"Если можно выкинуть ..., не расстроив совершенно пьесы, то, пожалуй, печатай; только ты слишком много уступил цензору"¹⁸⁴. (Т., 21 ноября 1822.)

"Мне не хотелось на первый раз запугать цензора, и потому я не всё

---

¹⁸¹ Остафьевский архив князей Вяземских : в 5 т. / Под ред. и с примеч. В.И. Саитова. СПб.: Тип. М. М. Стасюлевича, 1899. – Т. 2. – С. 143.

¹⁸² Там же. С. 156.

¹⁸³ Остафьевский архив князей Вяземских : в 5 т. / Под ред. и с примеч. В.И. Саитова. СПб.: Тип. М. М. Стасюлевича, 1899. – Т. 1. - С. 261.

¹⁸⁴ Остафьевский архив князей Вяземских : в 5 т. / Под ред. и с примеч. В.И. Саитова. СПб.: Тип. М. М. Стасюлевича, 1899. – Т. 2. - С. 281.

отстаивал..."¹⁸⁵ (В., 29 ноября 1822.)

По мнению А. И. Тургенева, П. А. Вяземский, несколько ослеплённый своим желанием издать пьесу, пошёл на слишком невыгодный компромисс. Однако П. А. Вяземский, согласно его ответу, руководствовался иными причинами: например, желанием установить более-менее доброжелательные отношения с цензором (к сожалению, его имя недоступно), потому что к тому моменту у некоторых из них он находился не в почёте (особенно после отстранения его от службы за недовольство поворотом в политике Александра I, часто выражаемое и в стихотворениях, которые он с помощью А. И. Тургенева преподносил на рассмотрение цензору).

Упоминания о такой предвзятости находились в нескольких отрывках.

В первом содержится ссылка на недопуск цензором сочинения к публикации ввиду того, что произведение было подписано названием польской столицы. Цензор Г. М. Яценков, скорее всего, связал это название с П. А. Вяземским, потому его пьеса не была пропущена:

"Знаешь ли, отчего Яценко не пропустил твоей пьесы? От слова *Варшавы*, которое я подписал вместо твоего имени... Я писал к Гречу, чтобы вымарал Варшаву, и надеюсь, что пьеса напечатается"¹⁸⁶. (Т., 5 ноября 1819)

Во втором отрывке князь прямо говорил о своих справедливых подозрениях насчет предвзятости цензуры по отношению к нему:

"Между тем думаю, что цензура его [письмо] не пропустит, ибо, воля твоя, а я думаю, что я отдан на замечания цензуре"¹⁸⁷. (В., 20 марта 1821)

Для понимания последнего из приведённых отрывков необходимо пояснить следующее: М. Т. Каченовский – профессор Московского университета – критически относился к исторической концепции Н. М.

---

¹⁸⁵ Остафьевский архив князей Вяземских : в 5 т. / Под ред. и с примеч. В.И. Саитова. СПб.: Тип. М. М. Стасюлевича, 1899. – Т. 2. - С. 284.

¹⁸⁶ Остафьевский архив князей Вяземских : в 5 т. / Под ред. и с примеч. В.И. Саитова. СПб.: Тип. М. М. Стасюлевича, 1899. – Т. 1. - С. 344.

¹⁸⁷ Остафьевский архив князей Вяземских : в 5 т. / Под ред. и с примеч. В.И. Саитова. СПб.: Тип. М. М. Стасюлевича, 1899. – Т. 2. - С. 180.

Карамзина. Сторонники Н. М. Карамзина развивали конфликт, доходя до эпиграмм на М. Т. Каченовского. П. А. Вяземский не остался в стороне, написав в 1820 году "Послание к М. Т. Каченовскому". В итоге цензор А. И. Красовский, памятуя о данном произведении П. А. Вяземского, не пропустил его сочинение:

"Греч сказал мне, что Красовский не пропускает тебе Шаликова за Каченовского"¹⁸⁸(3). (Т., 11 июля 1822.)

В целом, роль цензора в запретительной политике, несмотря на его зависимое положение, оставалась достаточно значительной. Как видно из рассмотренных здесь отрывков, он нередко умел настоять на своей позиции, и произведения выходили (если были им пропущены) уже с учетом цензорских замечаний. Однако такие действия дополнительно вдохновляли писателей на поиск методов обхода цензуры.

Анонимность автора

Соответственно, П. А. Вяземский пришёл к выводу, что лучше ему избегать упоминания своего имени, раз оно обрело отрицательную славу у некоторых цензоров. Многократно он обращался к утаиванию своей личности, жертвуя частью известности, но вводя в заблуждение цензоров. В добавление к этому он понимал, что в таком случае и последующей цензуре (которая могла бы отреагировать на то, что в некоторой степени "опальный" поэт продолжал публиковаться) - в том случае, если его новые произведения опять встретят цензурное противодействие, - придраться будет к нему труднее.

"Отдай приложенное Воейкову для напечатания, только без моего имени"¹⁸⁹. (В., 20 марта 1824.)

П. А. Вяземский понимал, что при наличии у цензора вопросов к

---

¹⁸⁸ Остафьевский архив князей Вяземских : в 5 т. / Под ред. и с примеч. В.И. Саитова. СПб.: Тип. М. М. Стасюлевича, 1899. – Т. 2. - С. 271.

¹⁸⁹ Остафьевский архив князей Вяземских : в 5 т. / Под ред. и с примеч. В.И. Саитова. СПб.: Тип. М. М. Стасюлевича, 1899. – Т. 3. - С. 22.

фигуре анонимного автора (несмотря на то, что Уставом анонимность разрешалась, уже во вторую половину правления Александра I, когда гнёт со стороны полиции лишь усиливался, осторожные цензоры практически перестали проявлять "благоразумное снисхождение", предписываемое Уставом) намёк на чужое авторство может успокоить цензора:

"Которые более полюбятся из моих карликов, отдай в "Сына", означивши, что перевод с польского, но меня не называйте. Пускай подумают, что Анастасевич¹⁹⁰"¹⁹¹. (В., 25 октября 1819.)

"Протекторат" авторитетной личности над писателем

А. И. Тургенев часто помогал П. А. Вяземскому издавать его сочинения. Можно выдвинуть рискованное предположение, что если бы П. А. Вяземский не стал обладателем друга со связями в Министерстве, то многие его произведения проходили бы стадию предварительной цензуры с куда большими трудностями, если вообще были бы напечатаны. Немаловажное значение здесь имело и географическое положение князя вдали от столицы - он не мог лично заниматься цензурными вопросами в Петербурге, - но тот факт, что авторитетом, подобным тургеневскому, никто из его друзей не обладал, остаётся главенствующим.

А. И. Тургенев лично занимался вопросами публикации сочинений П. А. Вяземского, чаще всего местом их издания являлся "Сын Отечества", что говорило о дружественных связях А. И. Тургенева с редактором журнала Н. И. Гречем. Подтверждения этому находились в множестве писем:

"Попытаюсь пустить твоего "Сибирякова" в "Сына Отечества"...¹⁹²" (Т., 3 сентября 1819.)

Или:

---

¹⁹⁰ В. Г. Анастасевич (1775-1845) - переводчик с польского языка.

¹⁹¹ Остафьевский архив князей Вяземских : в 5 т. / Под ред. и с примеч. В.И. Саитова. СПб.: Тип. М. М. Стасюлевича, 1899. - Т. 1. - С. 336.

¹⁹² Там же. С. 304.

"Ожидаю письма твоего в "Сын Отечества" и постараюсь умиловить цензуру, если возможно"¹⁹³. (Т., 23 марта 1821.)

Или:

"Вот тебе письмо Пушкина и стихи Шаликова, которые вотри, если можно, в «Сын Отечества»"¹⁹⁴. (В., 27 октября 1821.)

Или:

"Сделай милость, поработай, чтобы разбор мой был напечатан у Греча или Воейкова"¹⁹⁵. (В., 24 апреля 1824.)

В то же время А. И. Тургенев контактировал с цензорами и обладал авторитетом как среди них, так и среди тех лиц, что стояли над цензорами. Он имел власть уговорить проверяющего, но неизвестно, с помощью просьбы или же исключительно благодаря превосходящему положению:

"Я велю стихи переписать с поправками, взятыми на страх, и отдам в цензуру сам; ибо нужно уломать Тимковского или Ястребцева"¹⁹⁶. (Т., 24 декабря 1820.)

В той же мере А. И. Тургенев умел поддержать издание чьего-либо журнала, чем далеко не каждый видный деятель мог похвастаться, пусть даже эта поддержка осуществлялась не посредством авторитета Тургенева, а скорее, благодаря его связям с лицами, кто таким авторитетом обладал в более полной степени.

"Сделай одолжение, справься скорее о журнале Раича и похлопочи о нем как, где и сколько можешь. Раич один литератор в Москве, скажу смело"¹⁹⁷. (В., 14 апреля 1824.)

П. А. Вяземский был не единственным писателем, что пользовался содействием А. И. Тургенева в издании произведений, будучи его другом или знакомым. Примеры такого взаимодействия можно также найти в

---

¹⁹³ Остафьевский архив князей Вяземских : в 5 т. / Под ред. и с примеч. В.И. Саитова. СПб.: Тип. М. М. Стасюлевича, 1899. – Т. 2. - С. 181.

¹⁹⁴ Там же. С. 221.

¹⁹⁵ Остафьевский архив князей Вяземских : в 5 т. / Под ред. и с примеч. В.И. Саитова. СПб.: Тип. М. М. Стасюлевича, 1899. – Т. 3. - С. 37.

¹⁹⁶ Остафьевский архив князей Вяземских : в 5 т. / Под ред. и с примеч. В.И. Саитова. СПб.: Тип. М. М. Стасюлевича, 1899. – Т. 2. - С. 127.

¹⁹⁷ Остафьевский архив князей Вяземских : в 5 т. / Под ред. и с примеч. В.И. Саитова. СПб.: Тип. М. М. Стасюлевича, 1899. – Т. 3. - С. 32.

корреспонденции В. А. Жуковского и В. Л. Пушкина. В. А. Жуковский прибегнул к помощи А. И. Тургенева, за что впоследствии выразил ему благодарность, к тому же намекнув на то, что А. И. Тургеневу оказание подобного рода услуги было вовсе не в тягость:

"За твои хлопоты о моем "Послании" [Императору Александру] не нужно мне, кажется, тебя благодарить. Чувствую по себе, как тебе это весело"¹⁹⁸. (В. А. Жуковский, 1 февраля 1815.)

Позднее В. Л. Пушкин также не преминул обратиться к А. И. Тургеневу за поддержкой в издании, что ещё отдельно свидетельствовало об авторитете А. И. Тургенева в "цензурных кругах":

"Я надеюсь, что вы получили собрание моих стихотворений, и надеюсь также на дружбу вашу, что вы поможете мне их сбыть с рук и напечатать. Не оставьте моей просьбы; я очень буду вам благодарен"¹⁹⁹. (В. Л. Пушкин, 20 июня 1821.)

Логично, что деятели, обладавшие большей властью, чем А. И. Тургенев, могли способствовать прохождению предварительной цензуры лишь упоминанием одного своего имени. Да и цензору было спокойнее, если за проверяемое им произведение поручался человек из числа высших правительственных чинов, на мнение которых цензору, в свою очередь, приходилось оглядываться.

Из следующего фрагмента следует, что произведение В. А. Жуковского обрело свою поддержку у главы Министерства иностранных дел (вероятно, оно ему понравилось при чтении или он был близко знаком с автором), и простое поручительство дополнилось спонсированием.

"На сих днях начинаю печатать "Певца на Кремле"²⁰⁰, на иждивение канцлера, который этого требовал"²⁰¹. (Т., 20 ноября 1816.)

---

¹⁹⁸ Жуковский В.А. Два письма Александру Тургеневу: [Электронный ресурс] URL: http://az.lib.ru/z/zhukowskij_w_a/text_0470.shtml (дата обращения: 15.08.2016 г.)

¹⁹⁹ Пушкин В.Л. Письма А.И. Тургеневу: [Электронный ресурс]. URL: http://az.lib.ru/p/pushkin_w_l/text_0170.shtml (дата обращения: 15.08.2016 г.)

²⁰⁰ "Певец на Кремле" (1816) - произведение В. А. Жуковского.

²⁰¹ Остафьевский архив князей Вяземских : в 5 т. / Под ред. и с примеч. В.И. Саитова. СПб.: Тип. М. М.

Но были фигуры намного влиятельнее министра иностранных дел (Н. П. Румянцева на тот момент) - например, великий князь:

"Знаешь ли, не сделать ли пажескую шутку - поднести сочинение Михаилу Павловичу? <...> А с именем его все сойдет с рук"²⁰². (В., 18 октября 1819.)

Или сам император:

"Я надеюсь, что государь скорее других согласится на издание журнала ваших прений, но надобно, чтобы воля его была ясно выражена, ибо иначе здесь испугаются и самого намерения. Пока государь с вами, то можно бы, кажется, показать ему prospectus, представлять ему каждый раз, если не самые пьесы, то, по крайней мере, оглавление книжки и довести о сем до сведения здешних архи-цензоров"²⁰³. (Т., 1 сентября 1820.)

Действительно, самое значительное лицо, с поддержкой которого цензоры не побоялись бы пропустить сочинение автора, - это член императорской семьи, а наиболее "беспрюирышный вариант" - сам император²⁰⁴. Даже те высокопоставленные лица, от мнения которых зависело, запрещать произведение или нет, не могли идти против воли императора, фигура которого легитимировала всё. Но поддержкой правителя заручиться было далеко не просто, куда доступней была личность знакомого высокопоставленного деятеля:

"Вчера отдал я пропущенный, но искажённый экземпляр Уварову. Авось он еще спасёт стиха два..."²⁰⁵ (Т., 29 декабря 1820.)

В то же время писатель мог либо оказать услугу вышестоящему лицу, либо подольститься к нему. Так, согласно свидетельству А. И. Тургенева, поступил Д. И. Хвостов²⁰⁶:

"...он [Хвостов] нашёл средство быть выпечатану и даже прочтену:

Стасюлевича, 1899. – Т. 1. - С. 62.

²⁰² Там же. С. 332.

²⁰³ Остафьевский архив князей Вяземских : в 5 т. / Под ред. и с примеч. В.И. Саитова. СПб.: Тип. М. М. Стасюлевича, 1899. – Т. 2. - С. 57.

²⁰⁴ Благодаря покровительству Александра I "История..." Н. М. Карамзина была освобождена от цензуры.

²⁰⁵ Остафьевский архив князей Вяземских : в 5 т. / Под ред. и с примеч. В.И. Саитова. СПб.: Тип. М. М. Стасюлевича, 1899. – Т. 2. - С. 130.

²⁰⁶ Дмитрий Иванович Хвостов (1757-1835) - русский поэт.

похвалил хозяйку за храмину и вызвал громкие рукоплескания"²⁰⁷. (Т., 25 мая 1823.)

Упоминания о подобных "взаимоотношениях" можно найти в письмах иных писателей того периода. Например, А. С. Грибоедов недвусмысленно описывал С. Н. Бегичеву свои надежды на благоприятный исход издания своего сочинения в связи с обладанием нужных для этого знакомств:

"Теперь об важных людях кстати: Василий Сергеевич Ланский — министр внутренних дел, цензура от него зависит, мне по старому знакомству, вероятно, окажется благоприятен. Александр Семенович [Шишков] тоже"²⁰⁸. (А. С. Грибоедов, 10 июня 1824.)

А. А. Дельвиг, принимая решение о подаче апелляции, в письме к В. И. Григоровичу выражал желание о возможном участии в этом деле на его стороне фигуры самого министра:

"Нельзя ли прибегнуть к просвещенному покровительству министра. Нынче апелляция от авторов, кажется, принимается и иногда бывает не бесплодна, впрочем, в руки ваши предаю поэтический дух мой"²⁰⁹. (А. А. Дельвиг, 10 октября 1825.)

Отдельного упоминания заслуживает случай, произошедший с Б. М. Фёдоровым. Пользуясь днём рождения императрицы Марии Фёдоровны, молодой писатель добился получения цензорского разрешения на публикацию своей поэмы "День рождения императрицы Марии и воспоминания о Павловске" за несколько дней до самого события²¹⁰. Вероятнее всего было то, что произведение было пропущено цензором именно потому, что в первую очередь и было посвящено этому событию, а не обладало особым талантом.

Одним из последних и радикальных средств, к которому прибегали

²⁰⁷ Остафьевский архив князей Вяземских : в 5 т. / Под ред. и с примеч. В.И. Саитова. СПб.: Тип. М. М. Стасюлевича, 1899. – Т. 2. - С. 325.

²⁰⁸ Грибоедов А. С. Письмо Бегичеву С. Н., <10 июня 1824> // Грибоедов А. С. Сочинения. — М.: Худож. лит., 1988. С. 495.

²⁰⁹ Дельвиг А.А. Письма: [Электронный ресурс]. URL: http://az.lib.ru/d/delxwig_a_a/text_0100.shtml (дата обращения 28.01.2017 г.)

²¹⁰ Дружинин П.А. Неизвестные письма русских писателей князю Александру Борисовичу Куракину (1752-1818). М.: Трутень, 2002. С. 318-319.

литераторы, чтобы быть опубликованными, являлась подача жалобы на несправедливую цензуру в Главное правление училищ. Возможность этого действия обладала законным основанием, выраженным в сороковом параграфе Устава, и подтверждалась самими цензорами:

"Он [Яценков] ...сказал, что если автор хочет, то может объявить желание быть судимым высшим местом"²¹¹. (Т., 30 апреля 1819.)

П. А. Вяземский также имел в виду эту возможность, но прибегал к ней лишь на словах. (Видимо, потому, что произведение всё-таки пропускали и без апелляции.)

"На всякий случай ничего не спущу и дойду до самого нельзя, если откажутся печатать. У нас же есть апелляционные суды? Собственность ума та же собственность: нельзя мне запретить пользоваться ею в силу существующих законов"²¹². (В., 7 ноября 1821.)

Получается, что можно было реализовать возможность оспорить мнение цензурного комитета. Но неудача была более вероятна, поэтому подача апелляции относилась к непопулярным методам по обходу цензуры, особенно во вторую половину правления Александра I. Даже В. А. Жуковский (в определённое время имеющий куда более прочное положение при императорском дворе, чем П. А. Вяземский) приближённый ко двору, не всегда мог настоять на своём варианте сочинения²¹³.

***

Классифицировать основные пути обхода цензуры первой четверти XIX века, к которым прибегал П. А. Вяземский в период за 1812-1826 гг., можно по двум критериям.

1) Преодоление читательского запрета:

---

²¹¹ Остафьевский архив князей Вяземских : в 5 т. / Под ред. и с примеч. В.И. Саитова. СПб.: Тип. М. М. Стасюлевича, 1899. – Т. 1. - С. 224.

²¹² Остафьевский архив князей Вяземских : в 5 т. / Под ред. и с примеч. В.И. Саитова. СПб.: Тип. М. М. Стасюлевича, 1899. – Т. 2. - С. 224.

²¹³ Скабичевский А.М. Очерки истории русской цензуры: (1700-1863 г.). СПб.: Ф. Павленков, 1892. С. 162-165.

- Получение данных о запрещённых книгах. Осуществлялось как А. И. Тургеневым, так и П. А. Вяземским ввиду занимаемого ими географического (П. А. Вяземский) или служебного (А. И. Тургенев) положения. Данный путь относительно легко реализовывался при наличии доступа к подобной литературе. Некоторые трудности могли возникнуть при попытке передать запрещённое сочинение по почте, поэтому один из корреспондентов мог выписать самые интересные цитаты в письме к другому.
- Распространение произведения в списках. Проводился как один из крайних способов обхода в случае недопущения произведения к печати или изначального понимания автора, что его сочинение в первоизданном виде издано не будет. (Более показательным примером будет "Послание к цензору" А. С. Пушкина. Оно не было издано при жизни поэта²¹⁴, тем не менее, его друзья были знакомы с текстом²¹⁵.) Главным достоинством этого метода можно было теоретически назвать практически полное избежание текстом последующей цензуры, так как, согласно Уставу, она обязана была заниматься лишь печатными произведениями. Главным же минусом было относительно малое распространение сочинения среди публики.

2) Пути обхода авторского запрета:

- Наличие разных мест для издания. Вариативность в лице журналов и редакторов разного направления и положения могла позволить пропустить произведение в одном месте, когда в другом его не пропускали. Также можно сделать косвенный вывод, что петербургский цензурный комитет был одним из самых строгих, потому можно было попробовать издаваться в округе, ему не подведомственном.

---

²¹⁴ Пушкин А.С. Полное собрание сочинений. Л.: Наука, 1977. - Т. 2. - С. 366.

²¹⁵ Пушкин А.С. Полное собрание сочинений. Л.: Наука, 1979. - Т. 10. - С. 46.

- Анонимность автора. Обеспечивала большие шансы на пропуск произведения в случае, если цензор опасался "недоброй" славы личности писателя.
- Знакомство сочинителя с авторитетной личностью. В ситуации, когда цензор знал, что произведение было одобрено кем-либо из представителей стоящей над ним официальной власти, препятствий к напечатанию становилось намного меньше, особенно если это лицо принадлежало к высшим государственным чинам или к императорской фамилии.

Заключение

Одной из первых основополагающих вех развития цензурной организации в России стало создание Устава в 1804 году. Он неслучайно назывался исследователями и современниками "либеральным". Несмотря на явные запреты (которые действительно не могли не входить в документ, регламентирующий цензуру), этот акт призывал цензора быть умеренным и снисходительным к фигуре автора. Изначально главным посылом Устава и его составителей было именно обеспечение публикации просветительских произведений, а не запрещение любого сочинения, которое, по мнению проверяющего, могло идти вразрез с интересами самодержавного государства.

Однако на практике цензура, регламентируемая данным Уставом, теряла свою изначальную "просветительскую" и "снисходительную" направленность (настолько, насколько такие характеристики применимы к феномену цензуры вообще). Кроме существования обособленных ведомств для проверки книг религиозных и импортных, основным её недостатком становился неизбежный субъективизм цензоров, фатально зависящих от настроений вышестоящих властей. Это приводило к появлению дополнительных препятствий к публикации материалов писателей.

Тем не менее, сочинители первой четверти XIX века отзывались об Уставе и цензуре преимущественно нейтрально, а иногда и благосклонно. Большинство из них возлагали вину в "произволе" именно на цензоров, не обращая внимания на следующие факты: многие цензоры, являясь профессорами, не только не получали заработную плату за проверку сочинений, но и зачастую не имели соответствующего опыта в цензурировании. Эти факты, включая незащищённость цензора в случае совершённой ошибки, показывали, что он ни в коем случае не был единственной фигурой, ответственной за запретительную политику. Однако

за возникающие препятствия к изданию текстов авторы порицали только его, не принимая во внимание особенности его положения, - ведь именно деятельность цензора, согласно преобладающему мнению писателей, влекла за собой несоответствие "авторолюбивой" теории Устава его реальному использованию на практике.

Это несоответствие стало дополнительным стимулом для сочинителей пытаться его обойти запреты и для появления ещё одной формы восприятия существующей на тот момент цензуры. В самом тексте Устава можно были найти следующие "бреши", дающие попытки легально обойти существовавшую на тот момент цензуру. Это были:

- предписание цензору не быть предвзятым;
- право автора на анонимность;
- ограничение времени на проверку рукописей, предназначенных для периодических изданий;
- изъятие из-под цензурного контроля непечатных текстов.

Кроме возможного использования перечисленных "брешей", писатели искали и свои способы публикации своих трудов. К числу подобных писателей относится П. А. Вяземский. В переписке с его другом А. И. Тургеневым (по совпадению служившим в Министерстве духовных дел и народного просвещения, в ведении которого находилась цензура) за 1812-1826 гг. находились упоминания о следующих методах взаимодействия с цензурой:

- получение сведений о запрещённых книгах и обмен ими;
- распространение текстов в списках;
- подача апелляции в Главное правление училищ;
- принятие условий цензора для публикации;

- выбор между различными местами издания;
- анонимность автора.

Но основным и наиболее показательным методом стало знакомство П. А. Вяземского с авторитетной личностью - А. И. Тургеневым. Преобладающее положение А. И. Тургенева над личностью цензора (что позволяло первому влиять на вердикт последнего), "протекторат" чиновника высшего звена или представителей императорской семьи над писателем дополнительно иллюстрировали иерархическую модель самодержавного государства.

Библиография

- Биографический словарь: [Электронный ресурс]. URL: <http://enc-dic.com/biography> (дата обращения: 15.05.2016 г.).
- Блюм А.В. От неолита до Главлита: достопамятные и занимательные эпизоды, события и анекдоты из истории российской цензуры от Петра Великого до наших дней: собраны по литературным и архивным источникам: [Электронный ресурс]. СПб.: Искусство России Издательство им. Н.И. Новикова, 2009. URL: http://royallib.com/get/fb2/blyum_arlen/ot_neolita_do_glavlita.zip (дата обращения: 15.05.2016 г.).
- Большая биографическая энциклопедия: [Электронный ресурс]. URL: http://dic.academic.ru/contents.nsf/enc_biography/ (дата обращения: 15.05.2016 г.).
- Бондаренко В.В. Вяземский: [Электронный ресурс]. М.: Мол. гвардия, 2004. - 675 с. URL: <http://www.rulit.me/download-books-337944.html?t=fb2> (дата обращения: 15.05.2016 г.).
- Власть и общество в России 18 - начала 21 вв.: История и современность: монография / Т. К. Владимирова, Л. Ю. Гусман, В. А. Журавлев и др.; под общ. Ред. Л. Ю. Гусмана, И. А. Тропова. - СПб.: ГУАП, 2011. - 168 с.: ил.
- Греч Н.И. Записки о моей жизни. СПб.: издание А.С. Суворина, 1886. - 588 с.
- Грибоедов А. С. Сочинения / Вступ. ст., коммент., состав. и подготовка текста С. А. Фомичева; Оформл. Г. Котляровой. - М.: Худож. лит., 1988. - 751 с.

- Гринченко Н.А. История цензурных учреждений в России в первой половине XIX века / Н.А. Гринченко // Цензура в России: история и современность. - 2001. - № 1. - С. 15-46.
- Гринченко Н.А. Надзор за книжной торговлей в конце XVIII - первой половине XIX века / Н.А. Гринченко // Цензура в России: история и современность. - 2011. - № 5. - С. 83-101.
- Гринченко Н.А. Цензурное ведомство и его чиновники (1804-1863) / Н.А. Гринченко // Цензура в России: история и современность. - 2013. - № 6. - С. 192-227.
- Дружинин П.А. Известные письма русских писателей князю Александру Борисовичу Куракину (1752-1818). М.: Трутень, 2002. – 505 с.
- Ерошкин Н.П. Истории государственных учреждений дореволюционной России: учебник для студентов высших учебных заведений по спец. "Историко-архивоведение". - 3-е изд., перераб. и доп. - М.: Высш. шк., 1983. - 352 с.
- Жирков Г.В. История цензуры в России XIX-XX вв.: Учеб. пособие для студентов вузов: [Электронный ресурс] / Г.В. Жирков. - М : Аспект-пресс, 2001. - 367 с. URL: <http://evartist.narod.ru/text9/35.htm> (дата обращения: 15.05.2016 г.).
- Жуковский В.А. Два письма Александру Тургеневу: [Электронный ресурс]. URL: http://az.lib.ru/z/zhukowskij_w_a/text_0470.shtml (дата обращения: 15.08.2016 г.)
- Зайончковский П.А. Правительственный аппарат самодержавной России в XIX в. М.: Мысль, 1978. - 288 с.

- История русской журналистики XVIII-XIX веков : [Учебник для гос. ун-тов и полигр. ин-тов] / Под ред. проф. А.В. Западова. - 3-е изд., испр. - Москва : Высш. школа, 1973. - 518 с.
- Ковальченко И.Д. Методы исторического исследования / И.Д. Ковальченко; Отделение историко-филологических наук. 2-е изд., доп. – М.: Наука, 2003. – 486 с.: ил.
- Колупанов Н.П. Биография Александра Ивановича Кошелева : в 2 т. Т. 1: Молодые годы Александра Ивановича. М.: О.Ф. Кошелевой, 1889. - 584 с.
- Конституция Российской Федерации: [Электронный ресурс]. URL: <http://www.constitution.ru/> (дата обращения: 15.05.2016).
- Корнева Н.М. Постановления о преступлениях и проступках по делам печати в своде законов Российской Империи / Н.М. Корнева // Цензура в России: история и современность. - 2013. - № 6. - С. 125-144.
- Красногоров В. У мысли стоя на часах. Записки по истории отечественной цензуры: [Электронный ресурс]. URL: http://lit.lib.ru/k/krasnogorow_w_s/tsenzuradoc.shtml (дата обращения: 15.05.2016 г.).
- Кулакова Е.А. "Что нужно Лондону, то рано для Москвы": иностранные книги в российском обществе второй четверти XIX века / Е.А. Кулакова // Цензура в России: история и современность. - 2013. - № 6. - С. 179-191.
- Куликова С.А. Конституционный запрет цензуры в России: теория и практика / С.А. Куликова // Цензура в России: история и современность. - 2013. - № 6. - С. 15-25.
- Мутовкин Л.А. История цензуры в России: [Электронный ресурс].

URL: http://www.promgups.com/blog/wp-content/uploads/2007/02/1_9.pdf
(дата обращения: 15.05.2016 г.).

- Остафьевский архив князей Вяземских : в 5 т. / Под ред. и с примеч. В.И. Сайтова. Т. 1: Переписка князя П. А. Вяземского с А. И. Тургеневым. 1812-1819. СПб.: Тип. М. М. Стасюлевича, 1899. - 729 с.
- Остафьевский архив князей Вяземских : в 5 т. / Под ред. и с примеч. В.И. Сайтова. Т. 2: Переписка князя П. А. Вяземского с А. И. Тургеневым. 1820-1823. СПб.: Тип. М. М. Стасюлевича, 1899. - 371 с.
- Остафьевский архив князей Вяземских : в 5 т. / Под ред. и с примеч. В.И. Сайтова. Т. 3: Переписка князя П.А. Вяземского с А.И. Тургеневым. 1824-1836. СПб.: Тип. М. М. Стасюлевича, 1899. - 364 с.
- Очерки по истории русской журналистики и критики : в 2 т. Т. 1: XVIII век и первая половина XIX века. - Л.: Изд-во Ленингр. гос. ун-та им. А. А. Жданова, 1950 (Тип. им. Евг. Соколовой). - 604 с.
- Полное собрание законов Российской Империи. Собрание Первое. Том XXVI. 1800 — 1801 гг. СПб.: Тип. II Отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии, 1830. - 880 с.
- Полусмак Т.Л. Цензурное законодательство дореволюционной России: автореф. дис. на соискание учёной степени кандидата юридических наук: 12.00.01: [Электронный ресурс]. Нижний Новгород, 2003. URL: <https://vivaldi.nlr.ru/bd000053739/view> (дата обращения: 15.05.2016 г.).
- Пушкин А.С. Полное собрание сочинений : в 10 т. Т. 10 : Письма. Л.: Наука, 1979. - 711 с.
- Пушкин А.С. Полное собрание сочинений : в 10 т. Т. 2 : Стихотворения, 1820-1826. Л.: Наука, 1977. - 399 с.

- Пушкин В.Л. Письма А.И. Тургеневу: [Электронный ресурс]. URL: http://az.lib.ru/p/pushkin_w_1/text_0170.shtml (дата обращения: 15.08.2016 г.)
- Пятковский А.П., Из истории нашего литературного и общественного развития : Монографии и критич. ст. А.П. Пятковского : В 2 т. - 2-е изд., доп. Ч. 1-2. - СПб: тип. и хромолит. А. Граншель, 1888-1889.
- Раскин Д.И. Авторское право в контексте цензурного законодательства России XIX - начала XX века / Д.И. Раскин // Цензура в России: история и современность. - 2006. - № 3. - С. 99-105.
- Рейфман П.С. Цензура в дореволюционной, советской и постсоветской России : в 2 т. Т. 1: Цензура в дореволюционной России: [Электронный ресурс]. URL: <http://reifman.ru/book/reifman1.pdf> (дата обращения: 15.05.2016 г.).
- Розенберг В.А. Русская печать и цензура в прошлом и настоящем / Статьи Вл. Розенберга и В. Якушкина. – М.: М. и С. Сабашниковы, 1905. - 250 с.
- Русская журналистика в документах : История надзора : [Сб. указов и др. документов рус. императоров и гос. учреждений о цензуре, журналистике и изд. деле : Для студентов, магистров и аспирантов фак. и отд-ний журналистики вузов / Федер. целевая прогр. "Культура России"]; Сост. к.ист.н. О.Д. Минаева Под ред. докторов филол. наук, профессоров Б.И. Есина, Я.Н. Засурского. – М.: Аспект пресс, 2003. - 396 с.
- Русские писатели о цензуре и цензорах. От Радищева до наших дней: 1790-1990: опыт комментированной антологии / Арлен Блум. - СПб: ООО "Полиграф", 2011. - 607 с.

- Русский архив. Историко-литературный сборник. Вып. 7-12. М.: тип. В. Грачева и Ко, 1865. - 436 с.
- Русский архив. Историко-литературный сборник. Вып. 1-6. М.: тип. В. Грачева и Ко, 1867. – 552 с.
- Семевский В.И. Политические и общественные идеи декабристов. СПб.: тип. 1 СПб. труд. артели, 1909. - 694 с.
- Скабичевский А.М. Очерки истории русской цензуры: (1700-1863 г.). СПб.: Ф. Павленков, 1892. - 495 с.
- Скэмелл М. Цензура: личная точка зрения: [Электронный ресурс]. URL: <http://modernproblems.org.ru/press/8-cenzore.html?showall=1> (дата обращения: 15.03.2017 г.)
- Стоглав. Собор 1551 года: [Электронный ресурс]. URL: http://sidashtaras.ru/img/dejania_stoglava_1551.pdf (дата обращения: 15.05.2016 г.)
- Страницы истории русского либерализма: монография / Л Ю Гусман. - СПб.: ГУАП, 2010. - 152 с.
- Три века московской журналистики : учеб. пособие: [Электронный ресурс]/ Б.И. Есин, И.В. Кузнецов. – 2е изд., перераб. М.: Флинта, Наука, 2005. URL: <http://iknigi.net/avtor-boris-esin/31509-tri-veka-moskovskoy-zhurnalistiki-uchebnoe-posobie-boris-esin.html> (дата обращения: 28.01.2017 г.)
- Устав о ценуре: [Электронный ресурс]. URL: <http://www.opentextnn.ru/censorship/russia/dorev/law/1804/> (дата обращения: 15.05.2016 г.)

- Фут И.П. Контрцензура: Авторы против цензоров в России XIX в. / И.П. Фут // Книжное дело в России в XIX – начале XX века. - 2004. - №. 12. - С.120 - 168.
- Чернуха В.Г. Цензура в Европе и России. / В.Г. Чернуха // Цензура в России: история и современность. - 2001. - № 1. - С. 6-14.
- Щебальский П.К. Исторические сведения о цензуре в России. СПб.: тип. Ф. Персона, 1862. - 107 с.
- Электронная еврейская энциклопедия: [Электронный ресурс]. URL: <http://www.eleven.co.il/article/14609> (дата обращения: 02.04.2017 г.)
- Энгельгардт Н.А. Очерк истории русской цензуры в связи с развитием печати. (1703-1903). СПб: А.С. Суворин, 1904. - 389 с.
- Choldin M. T. [Review] / M. T. Choldin // *Slavic Review*, Vol. 42, No. 3 (Autumn, 1983), p. 480. - Reviewed Work: *Fighting Words: Imperial Censorship and the Russian Press, 1804-1906* by Charles Ruud.
- Foote I.P. «In the Belly of the Whale»: Russian Authors and Censorship in the Nineteenth Century // *The Slavonic and East European Review*. London, 1990. Vol. 68. P. 294-298.
- Gleason A. [Review] / A. Gleason // *The Russian Review*, Vol. 42, No. 2 (Apr., 1983), pp. 229-230. - Reviewed Work: *Fighting Words: Imperial Censorship and the Russian Press, 1804-1906* by Charles Ruud.
- Katz M. [Review] / M. Katz // *Canadian Slavonic Papers / Revue Canadienne des Slavistes*, Vol. 25, No. 4 (December 1983), pp. 572-573. - Reviewed Work: *Fighting Words: Imperial Censorship and the Russian Press, 1804-1906* by Charles Ruud.

- Lincoln W. B. [Review] / W. B. Lincoln // *The American Historical Review*, Vol. 88, No. 5 (Dec., 1983), p. 1298. - Reviewed Work: *Fighting Words: Imperial Censorship and the Russian Press, 1804-1906* by Charles Ruud.
- Ruud C.A. *Fighting Words: Imperial Censorship and the Russian Press, 1804-1906*. University of Toronto Press, 2009. P
- Sinel A. [Review] / A. Sinel // *Victorian Periodicals Review*, Vol. 15, No. 4 (Winter, 1982), pp. 154-156. - Reviewed Work: *Fighting Words: Imperial Censorship and the Russian Press, 1804-1906* by Charles Ruud.
- *The Censorship Statute of 1804* // Study Group on Eighteenth Century Russia Newsletter. [Norwich], 1980. № 8. P. 7—9.

Приложения

Приложение А. Цензурный Устав 1804 года²¹⁶

1804. 9 июля.

Устав о цензуре.

ОТДЕЛЕНИЕ I.

О цензуре вообще

1. Цензура имеет обязанностию рассматривать всякого рода книги и сочинения, назначаемые к общественному употреблению.

2. Главный предмет сего рассматривания есть доставить обществу книги и сочинения, способствующие к истинному просвещению ума и образованию нравов, и удалить книги и сочинения, противные сему намерению.

3. На сем основании, ни одна книги или сочинение не должно быть напечатано в Империи Российской, ни пущено в продажу, не быв прежде рассмотрено цензурою.

4. Для рассматривания книг и сочинений учреждаются цензурные комитеты при университетах из профессоров и магистров и состоят под непосредственным ведением университетов. Каждый из сих комитетов рассматривает книги и сочинения, печатаемые в типографиях, состоящих в округе того университета, при котором оный комитет находится. комитет рассматривает также книги и сочинения, выписываемые из чужих краев для университетских чиновников.

5. Для книг и сочинений, печатаемых в округе Санкт-Петербургского университета, до открытия университета учреждается под ведением попечителя оного цензурный комитет из ученых особ, пребывающих в сей столице.

---

²¹⁶ ПСЗ. Собр. 1. Т. 28. № 21388. [Подг. печ. Патрушева Н.Г., Гринченко Н.А.]

6. Цензура книг и сочинений, издаваемых от Главного училищ правления, Академий: Наук, Художеств и Российской, также от кадетских корпусов, государственной медицинской управы, в Санкт-Петербурге существующих, и других ученых обществ, правительством утвержденных, и казенных мест, возлагается на попечение и отчет самых тех мест, и их начальников. Сии книги и сочинения могут быть печатаемы в принадлежащих сим местам или других типографиях.

7. Те же книги и сочинения, которые присланы будут в типографии упомянутых мест для напечатания на иждивении сторонних издателей, предаются тиснению не прежде, как по рассмотрении оных в цензурном комитете.

8. Книги и сочинения церковные, к священному писанию, вере, либо толкованию закона божия и святости относящиеся, подлежат рассмотрению цензуры духовной, находящейся под ведением Святейшего Синода и епархиальных архиереев. Таковые книги и сочинения должны быть печатаемы в синодской или иных типографиях, под ведением Синода состоящих.

9. Журналы и другие периодические сочинения, выписываемые чрез почтамты из чужих краев, рассматриваются в особенно учрежденной при оных цензуре, которая в сем руководствуется правилами сего Устава.

10. Рукописные пьесы, представляемые на всех, не исключая и придворных, театрах, как в столицах, так и в других городах, до представления оных, рассматриваются цензурными комитетами, а где нет комитетов, директорами народных училищ, под надзором местного начальства.

11. Рассмотрение и позволение к напечатанию театральных афишек и подобных тому объявлений и известий, зависит от гражданского начальства.

ОТДЕЛЕНИЕ II

О цензурных комитетах

12. Каждый цензурный комитет имеет в положенное время заседание. цензоры, составляющие комитет, разделяют между собою книги и сочинения, поступающие в цензуру, и по прочтении представляют письменные об оных от себя донесения, за верность коих сами и отвечают.

13. Книги и сочинения, которые цензор сам собою одобрить к напечатанию сомневается, так же книги и сочинения печатные, кои почитает он следующими к запрещению, представляются в полное собрание цензурного комитета, для разрешения по большинству голосов; и в сем случае отвечают одобрявшие или запретившие сочинение, либо книгу.

14. Равным образом и весь цензурный комитет, в случае своих сомнений о рассматриваемых им книгах и сочинениях, испрашивает чрез попечителя разрешения от Главного училищ правления.

15. Цензурный комитет и каждый цензор в особенности, при рассматривании книг и сочинений наблюдает, чтобы ничего не было в оных противного закону божию, правлению, нравственности и личной чести какого-либо гражданина. Цензор, одобрявший книгу или сочинение, противное сему предписанию, как нарушитель закона, подвергается ответственности, по мере важности вины.

16. Если цензор, в доставленной ему рукописи найдет некоторые места, противные означенному в предыдущем 15 пункте предписанию, то не делает сам собою никаких в оных поправок; но означив таковых места, отправляет рукопись к издателю, дабы он сам переменял или исключил оные. По возвращении же исправленной таким образом рукописи, цензор одобряет ее к напечатанию.

17. Таким же образом поступает цензор в рассматривании периодических изданий и других книг, состоящих из мелких сочинений, не имеющих между собою никакой связи, не одобряя к напечатанию только те

их них, которые противны упомянутому в 15 пункте предписанию.

18. Если в цензуру прислана будет рукопись, исполненная мыслей и выражений, оскорбляющих личную честь гражданина, благопристойность и нравственность; то цензурный комитет, отказав в напечатании такого сочинения, объявляет в то же время причины сего запрещения тому, кто прислал оное; а самое сочинение удерживает у себя.

19. Если же в цензуру прислана будет рукопись, исполненная мыслей и выражений, явно отвергающих бытие божие, вооружающаяся против веры и законов отечества, оскорбляющая верховную власть или совершенно противная духу общественного устройства и тишины; то комитет немедленно объявляет о такой рукописи правительству, для отыскания сочинителя и поступления с ним по законам.

20. В рассматривании представляемых на театрах пьес цензура руководствуется теми же предписаниями, как и в рассматривании прочих сочинений.

21. Впрочем цензура в запрещении печатания или пропуска книг и сочинений, руководствуется благоразумным снисхождением, удаляясь всякого пристрастного толкования сочинений или мест в оных, которые по каким-либо мнимым причинам кажутся подлежащими запрещению. Когда место, подверженное сомнению, имеет двоякий смысл; в таком случае лучше истолковать оное выгоднейшим для сочинителя образом, нежели его преследовать.

22. Скромное и благоразумное исследование всякой истины, относящейся до веры, человечества, гражданского состояния, законоположения, управления государственного или какой бы то ни было отрасли правления, не только не подлежит и самой умеренной строгости цензуры, но пользуется совершенною свободою тиснения, возвышающею успехи просвещения.

23. Цензура не должна задерживать рукописей, присылаемых на ее рассмотрение, особливо же журналов и других периодических изданий, которые должны выходить в срочное время и теряют цену новости, если издаются позже.

24. Цензура возвращает книги и сочинения по старшинству их вступления. Из сего правила исключаются периодические издания, журналы и другие сочинения, коих главная цель состоит в том, чтоб быть изданными к известному времени. Сии сочинения всегда должны быть возвращаемы прежде других.

25. На основании сего устава запрещаются также эстампы или изображения, клонящиеся к явному соблазну и оскорблению какого-либо лица.

26. Цензурные комитеты руководствуются сим же Уставом в рассматривании книг, сочинений и эстампов, из чужих краев выписываемых для собственного употребления университетов.

27. Книги же и эстампы, выписываемые книгопродавцами из чужих краев, не рассматриваются цензурою; но каждый цензурный комитет, торгующих в округе, университету подведомом, иностранными книгами, обязывает подписками, дабы они не продавали книг и эстампов, противных предписаниям, в сем Уставе заключающимся под опасением строгого ответа и взыскания по законам. Для ведения же цензурного комитета книгопродавцы, в известные времена года, доставляют в оный каталоги всем иностранным книгам и эстампам, у них продающимся, и при получении новых, дополнения к каталогам.

28. Цензурные комитеты обязаны также требовать каталоги и дополнения к оным, от книгопродавцев, торгующих печатаемыми внутри государства книгами.

29. Предоставляется книгопродавцу, торгующему иностранными

книгами, требовать от цензурного комитета разрешения в случае сомнения его, продавать ли книгу или нет.

30. Цензурный комитет имеет свою канцелярию под руководством секретаря и печать.

31. Секретарь ведет журнал всем сочинениям, поступающим на рассмотрение в комитете. В сей журнал записывается название каждой рукописи или сочинения, число страниц в оной, день, в которой она поступила в цензуру, имя издателя или сочинителя, ежели они известны; имя содержателя типографии, у которого рукопись будет печататься, имя цензора, читавшего оную и день обратной выдачи из цензуры с объяснением, вся ли рукопись одобрена к напечатанию или за исключением чего-нибудь.

32. Сочинения, одобренные цензурою к напечатанию, должны быть скреплены по листам цензором, читавшим оные; время одобрения и имя цензора выставляются на обороте заглавного листа.

33. Каждый цензурный комитет обязан немедленно уведомлять все прочие таковые комитеты о рукописи или печатном сочинении, которые в его округе к напечатанию или к продаже не одобрены.

34. Если же гражданское местное начальство полагает запретить книгу, находившуюся в продаже, то должно предварительно отнестись о том в цензурный комитет.

35. Цензурный комитет представляет ежемесячно выписки из журналов университетскому совету, который препровождает оные к попечителю. В Санкт-Петербурге цензурный комитет представляет выписки из своих журналов непосредственно попечителю. Таковые выписки вносятся попечителями в Главное правление училищ для общего сведения.

36. Позволяется цензурному комитету поручать рассмотрение книг и сочинений директорам гимназий; но только в необходимых случаях, когда комитет обременен делами, или издается в каком-либо городе, отдаленном от

университета, периодическое издание, долженствующее выходить в срочное время. Тогда директор ответствен за одобряемые им к тиснению сочинения, доносит ежемесячно обо всех одобренных или запрещенных им книгах комитету, от которого в сомнительных случаях требует разрешения.

Отделение III.

О сочинителях, переводчиках, издателях книг и содержателях типографий

37. Всякой сочинитель, переводчик или издатель, желающий напечатать рукопись, доставляет оную, чисто и четко написанную, в цензуру того округа, в котором будет печататься его рукопись.

38. Сочинитель, переводчик или издатель, если пожелают, могут не печатать своего имени на сочинении; но имя содержателя типографии непременно должно быть выставлено на заглавном листе, также город, где печатана книга, и год, когда напечатана.

39. Сочинение или перевод, одобренные цензурою, могут быть напечатаны вновь, не подвергаясь вторичному рассмотрению; но если новое издание оных будет содержать в себе прибавления, замечания и другие перемены в смысле, в таком случае издатель обязан прислать в цензуру до напечатания или всю вновь исправленную книгу или те места в оной, кои не находятся в прежнем издании. За нарушение сей обязанности, если книга будет напечатана, издатель и содержатель типографии ответствен так точно, как бы ответствовали за напечатание книги, цензурою не одобренной, на основании 43 и 44 пунктов сего Устава.

40. Если сочинитель или издатель почтет себя обиженным за неодобрение его сочинения к напечатанию, равно и в случае задержания его сочинения или других каких притеснений, может принести на цензуру жалобу Главному училищ правлению, которое решит, справедлива ли жалоба или нет. Предоставляется также приносить жалобу сему правлению и в

случае запрещения продажи цензурными комитетами напечатанных уже книг.

41. Содержатель типографии без позволения цензуры того округа, в котором состоит его типография, не должен печатать никакой книги или сочинения; если же получит от кого рукопись, не одобренную к напечатанию, то доставляет оную в цензуру своего округа.

42. Если книга, уже напечатанная, отдается в типографию к напечатанию вторым тиснением, то содержатель типографии рассматривает, сделаны ли в ней какие перемены, означенные в 39 пункте; если сделаны, но цензурою вновь не одобрены, то книги не печатает, а возвращает ее тому, от кого получил, или с согласия желающего ее напечатать, отсылает в цензуру; в противном случае ответствен на основании того же 39 пункта.

43. За напечатание не одобренной цензурою книги или сочинения, хотя бы оные ничего не заключали в себе противного постановлениям, в Уставе сем содержащимся, весь завод напечатанной книги или сочинения отбирается в приказ общественного призрения; а сверх того в пользу одного же приказа взыскиваются с содержателя типографии, если он печатал книгу не на свой счет, все издержки, во что обошлось напечатание всего завода.

44. Если же книга или сочинение, напечатанные без позволения цензуры, будут сверх того содержать в себе места, упомянутые в 18 и 19 пунктах сего Устава, в таком случае содержатель типографии и издатель отсылаются к суду; а книга или сочинение предаются сожжению.

45. Содержатель типографии по напечатании рукописи, одобренной цензурою, обязан послать отпечатанный экземпляр с рукописью в ту цензуру, которая одобрила оную, для сличения напечатанного экземпляра с подлинником. Сие должен он наблюдать и при каждом новом перепечатывании книги.

46. Содержатель типографии посылая в цензуру напечатанный экземпляр, приобщает подписку, что отвечает за сходство одного с

одобренным цензурою подлинником, и что он ничего, могущего превратить смысл, не включил.

47. Если содержатель типографии во время печатания одобренной цензурою книги, включить в оную что-либо предосудительное, то листы, в которых таковые места заключаются, перепечатываются вновь на его счет, а листы прежде напечатанные уничтожаются при свидетеле, от цензуры доверенном; в важных же случаях содержатель типографии подвергается суду по силе 44 пункта.

На подлинном подписали:

Михайло Муравьев

Князь Адам Чарторыский

Г. Северин Потоцкий

Николай Новосильцов

Федор Клингер

Степан Румовский

Николай Озерецковский

Николай Фус.

На подлинном собственною ЕГО ИМПЕРАТОРСКОГО ВЕЛИЧЕСТВА рукою написано так: Быть по сему.

АЛЕКСАНДР

В С.-Петербурге 9-го июля 1804 года.